

Шафиков Сагит Гайлиевич

ТЕОРИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ И КОМПОНЕНТНОЙ СЕМАНТИКИ ЕГО ЕДИНИЦ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Уфа, 1999, - 88 С.

Настоящая работа посвящена рассмотрению теоретических концепций современной лингвистической семантики, связанных с представлением о языковом значении как структурном комплексе, содержание которого определяется, с одной стороны, значимостными отношениями с другими подобными комплексами, и, с другой стороны, внеязыковым содержанием.

Такое рассмотрение представляется необходимым, во-первых, для решения актуальной задачи создания единой семантической теории, интегрирующей три основных подхода в современной семантике (полевой, компонентный и прототипический подходы), во-вторых, для построения: метаязыка типологического исследования в области лексической семантики.

ВВЕДЕНИЕ

Учебное пособие посвящено наиболее сложной проблеме современной лингвистики, а именно проблеме значения, в частности лексического значения. Утверждая, что значение лексемы соседствует со значениями других лексем в семантическом поле, автор соответственно рассматривает такие вопросы, как применение метода семантического поля и его источники, реальность поля для носителя языка, типология семантических полей и другие вопросы, связанные с проблематикой семантического поля.

Автор полагает, что достоинством его концепции является интегрирование теории семантического поля и теории компонентного анализа его единиц. В связи с этим автор обращается к проблеме соотношения поля и семы как интегрального компонента его единиц, а также рассматривает “трудные вопросы” теории, связанные с двумя подходами (прототипическим и компонентным) к определению значения слова.

Таким образом, взаимодействие компонентной (и вместе с тем полевой) теории и теории прототипов и естественно и желательно, несмотря на драматическое противопоставление этих подходов, которое встречается в литературе.

Концепция автора определяет композицию пособия, которое состоит из 2 разделов. Первый раздел охватывает вопросы теории и метода семантического поля, а второй - вопросы, относящиеся к сфере комбинаторной семантики.

Материал пособия найдет применение при разработке теоретических и специальных курсов по сравнительной и типологической лингвистике, а также по теоретическим проблемам семантики, и может быть использован в научных работах студентов, аспирантов, и докторантов.

Автор приносит свою глубокую благодарность научному редактору и консультанту д-ру филологических наук, проф. Л.М.Васильеву за ценные замечания и рекомендации при подготовке рукописи к печати.

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ И МЕТОД СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

§ 1. Языковое значение и его виды

Главной проблемой лингвистической семантики является проблема языкового значения в его отношении к мышлению, внеязыковой действительности и другим значениям в лексико-семантической системе языка.

Языковая система вообще и лексико-семантическая система в частности существуют одновременно в плане выражения и в плане содержания. Однако семантическую систему языка можно рассматривать отдельно как некую идеальную (содержательную) систему представления знаний. Основанием для этого служит отсутствие неразрывного единства между планом выражения и планом содержания в силу отсутствия изоморфизма между единицами этих планов, что доказывается раздельным хранением форм и значений языковых единиц в сознании. Асимметрический дуализм слова находит свое психолингвистическое объяснение в факте афазии, при которой сохранение внешнего образа слова сопровождается

забыванием его содержания. Таким образом, вопреки традиционному для отечественной лингвистики представлению, неразрывная связь означающего и означаемого в естественном языке отсутствует [21, 133] и может пониматься только в функциональном плане, т.е. в смысле репрезентации языкового значения внешней формой.

В отличие от плана содержания, связанного с опытом через “мыслительные структуры ума” и поэтому принципиально общего для всего человечества, план выражения, вообще говоря, произволен и варьируется так же, как варьируются различные средства достижения одной цели. Языковая семантика доминирует над формой, поскольку “на базе семантической модели гораздо легче объяснить употребление языка” [68, 81]. Поэтому семантическая структура языка есть его главный компонент [68, 90], из чего следует признание словозначения, а не слова главной единицей языка на уровне его двухплановых единиц. Соответственно, стратегической задачей современной лингвистики является изучение семантики языковых форм в их взаимных структурных отношениях и связях, а не типология самих форм и моделей их функционирования.

Языковое значение понимается как выделяемая единица внутреннего содержания языка, отражающая внеязыковое содержание и представляющая его в виде формы (знака). По функциональной теории Л.М.Васильева единица плана выражения (словоформа) представляет единицу плана содержания (семему), выражая ее путем грамматического членения фонетической субстанции, а семема представляет предмет реальной действительности через понятие о нем [11,79]. Следовательно, механизм соединения знаковых единиц разных планов есть функциональный механизм, из чего, однако, не следует, что значение есть семантическая функция унитаральной языковой единицы, поскольку это означает выведение значения за пределы языка [12, 34].

Языковое значение (семема) существует как реализация его структурных компонентов (сем), определяющих его системную значимость и связь с неязыковым значением.

Семема и ее структурные компоненты обладают сходной онтологией, выражая семантические категории и субкатегории языка. Семема есть синтез лексических, словообразовательных к грамматическим сем, относящихся к разным семантическим категориям [11,139]; при этом, однако, по своему логическому содержанию сема может совпадать с семантической категорией. В этой связи возникает вопрос: можно ли рассматривать сему как вид языкового значения? Такая постановка вопроса представляется уместной, поскольку сема обладает определенными свойствами, характеризующими всякий знак (в том числе знак, представляющий собой, условно говоря, семантическое слово, т.е. значение), такими как информативность, репрезентативность, структурность. Однако между знаковостью семемы и знаковыми свойствами семы имеются существенные различия.

Как и семема, сема обладает семантической (содержательной) и структурной (значимостной) информативностью: ее семантическая информативность определяется информацией об определенном денотате и денотативном классе (логической категории), “лучший представитель” которой формирует “логически конструируемый концепт” (понятие в традиционном понимании), а структурная информативность определяется значимостью в семантической структуре языка.

Репрезентативность знаков, т.е. способность к взаимной интерпретации, может пониматься не только как репрезентация знака одного уровня знаком другого уровня, но и как репрезентация знака с большим объемом информации знаком того же уровня с меньшим объемом информации. Репрезентативной функцией обладает как семема по отношению к другой семеме (поэтому дуб можно назвать деревом, а отца родственником), так и сема (идентифицирующий признак) по отношению к единицам семантического поля (например, сема “дерево” представляет значения наименований деревьев, а сема “родственник” - значения терминов родства в соответствующем семантическом поле).

Под структурностью языкового знака понимается его внутренняя структурная организация, т.е. иерархическая зависимость между компонентами. Как и семема, сема принципиально неатомарна, хотя при необходимости каждая сема может быть разложена на предельные элементы. Поэтому следует различать предельную (элементарную) сему и сем;/ как семантический множитель, т.е. сочетание предельных сем, образующее непосредственную составляющую семемы и представленное в плане выражения регулярно воспроизводимой лексемой. Семантические множители как приоритетные семы образуют “сущности”, в отличие от предельных сем, образующих “средства формирования данной сущности” [40, 62]. В соответствии со своей природой семантический множитель обладает структурностью, аналогичной структурности семемы, например семема “отец” содержит семантический множитель “родитель”, компонент которого - “родственник” - доминирует над другими компонентами в соответствующей компонентной структуре.

Кроме информативности, репрезентативности и структурности значение как знаковая единица характеризуется также дискретностью и социальностью [12, 36].

Под дискретностью знака понимается его автономность, т.е. выделяемость в контексте других знаков. Дискретностью обладают только семантические единицы, представленные регулярно воспроизводимыми единицами плана выражения, например единица “воспринимать”, которая может функционировать как семема и как семантический множитель в составе семемы (например в составе семем глаголов

восприятия). В то же время большинство предельных сем, очевидно, недискретно, как недискретна, например, идеосинкретическая сема “впадение в водный объект”, выделяемая противопоставлением слов *rivière* и *fleuve* во французском языке. Кроме того, дискретность семантической единицы как языкового знака предполагает ее системную оформленность, т.е. знание как лексических, так и грамматических и деривативных свойств, а также коннотации. Если семантическое слово “воспринимать” представлено соответствующим грамматическим словом, то семантический множитель в составе значений глаголов физического восприятия представляет собой лишь лексическую сему, никак не связанную с категориальной значимостью, синтагматическими свойствами и коннотацией данной семемы.

Сема, вероятно, также не обладает социальностью, под которой понимается связь с человеком как членом общества, поскольку эта связь предполагает отношение говорящего коллектива к знаку, т.е. его прагматику.

Таким образом, обладая лишь определенными знаковыми свойствами, сема, в отличие от семемы, не является самостоятельной семантической единицей, т.е. не обладает знаковостью. Вместе с тем, сема выполняет три важнейшие функции, к которым относятся информативность, репрезентативность и значимостная функция, позволяющая соответствующей семеме “быть тем, чем не являются другие” [57,149]; таким образом, сема функционирует как содержательная значимость, определяющая статус значения в семантической системе языка [11,78].

Следует указать, что понимание семемы как множественной функции его компонентов относится к ее наиболее выделяемому макрокомпоненту. Как известно, семема имеет сложное строение, в котором традиционно выделяются три компонента: денотативный (эмпирический), сигнификативный (рациональный) и коннотативный (прагматический).

Обычно утверждается, что если первый компонент есть результат конкретно-понятийного и образно-чувственного мышления, то второй является продуктом абстрактно-понятийного мышления. Однако, хотя доля каждого из этих компонентов в составе разных семем, действительно, различается, четкое разграничение между этими компонентами провести трудно, во-первых, в силу отсутствия эксплицитного определения границы между языковым и внеязыковым в семантике [31,50], во-вторых, в силу двойственной сущности термина “денотативное значение”, который может употребляться по отношению к конкретному объекту действительности, либо по отношению к обобщенному представлению о нем или о целом классе однородных объектов [56,55]. И.А.Стернин утверждает, что, сказав “дай отвертку!”, говорящий связывает с данным именем его внешний образ, не думая о функции, и поэтому в значении наименования отвертки в данной речевой ситуации реализуется якобы только эмпирический компонент семемы [60,30]. Вероятно, однако, что здесь преобладает функция, т.е. рациональный элемент в семеме данного слова, что объясняет факт “оперативной амнезии”, связанной с эмоциональным напряжением занятого работой говорящего: “дай то, чем завинчивают!”. Для практических целей эмпирический и рациональный компоненты удобно рассматривать как единый лексический макрокомпонент семемы.

Подобный единый комплекс представляет собой коннотативный макрокомпонент семемы, под которым Л.М.Васильев понимает “результат логически слабо расчлененного отражения действительности, связанного с чувственно-ситуативным мышлением” и включавшего в себя экспрессивно-образное, эмоционально-образное, эмоционально-оценочное и модально-оценочное содержание [11,91]. Что касается стилистических свойств слов, то Л.М.Васильев совершенно справедливо относит их к сфере значимостей.

Включение образности в сферу коннотации позволяет рассматривать внутреннюю форму языковой единицы как важнейший компонент или уровень его коннотативности, отражающий такую сложную и многогранную категорию, какой является внутренняя форма [28, 65]. Исследование этой категории особенно важно для семантической типологии языков, поскольку различие между эквивалентными семемами разных языков проистекает главным образом из различия во внутренних формах соответствующих наименований (ср., например, наименования автомобильной магистрали в английском и русском языках: *highway*, *free-way*, *speed-way*, *express-way*: *шоссе*, *магистраль*).

Национальная специфика наименования, основанная на образности, может объясняться, впрочем, не только различием в десигнации соответствующего объекта, как в вышеприведенном примере, но и различием в культурных моделях, типичных для данного общества, т.е. может иметь внеязыковое обоснование. Так, из сравнительного изучения антропоморфического употребления зоонимов в разных языках следует, что, если в русском языке кошка символизирует блудливость, то в английском языке она связывается скорее с образом злой и сварливой женщины; в русском языке наименование козы может служить синонимом грациозности (*козочка*), а в немецком языке - глупости и привередливости; в русском языке слон имеет неодобрительную, а в хинди, наоборот, положительную оценку; во французском языке наименованием верблюда обозначается злобное и упрямое существо, а в арабском языке его образ есть воплощение красоты; иногда оценка совпадает, но виды коннотации различаются, например, крыса во всех известных языках характеризуется отрицательно, но в русском языке эта отрицательная коннотация связывается с жадностью, во французском языке - с мерзостью, а в английском языке - с нечестностью [54,65 и сл.].

В силу сложности и актуальности для лексико-семантической типологии

вопросов, связанных с коннотацией, эта проблема должна рассматриваться отдельно. Здесь же важно подчеркнуть, что коннотация образует ту часть языкового значения, которая наиболее непосредственно отражает внешнее содержание языка, т.е. мир представлений, когнитивных структур и культурных моделей.

Задача дальнейшего изложения состоит в рассмотрении значимостных функций лексических денотативных сем в определенных оппозициях и позициях, т.е. в надлексических интегральных структурах, обычно называемых семантическим полем, и связанных с этим теоретических проблем.

§ 2. Семантические отношения в лексике

Каждая единица лексикона связана с другими единицами многочисленными парадигматическими, эпидигматическими и ассоциативными отношениями, что обуславливает необходимость изучения лексики в виде целостных систем. Однако типовые модели основных видов внутрисистемных отношений не отличаются многообразием, что подтверждает постулат простоты, выдвинутый еще Г.Гийомом: «Основополагающие операции, на которые опирается структура языка, не слишком многочисленны и отнюдь не разнообразны, не обладают излишней сложностью, а, наоборот, малочисленны и в основном минимально вариативны, отличаясь поразительной однородностью» [16, 51].

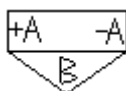
Можно выделить четыре основных типа логических оппозиций, характеризующих отношения элементов любой, в том числе языковой системы: 1) тождество (нулевая оппозиция), 2) включение (привативная оппозиция), 3) пересечение (эквивалентная оппозиция), 4) дизъюнкция (дизъюнктивная оппозиция). Прибегая к графической аналогии, эти оппозиции можно изобразить в виде соположения геометрических фигур. Так, тождество изображается в виде двух фигур, границы которых при наложении совпадают; таким образом, элементы единого множества тождественны элементам другого множества: $A=B$.

В лексике семантическое тождество проявляется как денотативная синонимия, при которой два выражения имеют общий смысл (например *глаз* - *око* в русском языке). Включение изображается наложением двух фигур, одна из которых (большая) инкорпорирует другую (меньшую); таким образом, элементы одного множества

включают элементы другого множества: $A \supset B$.

В лексике включение соответствует гипонимии, представленной таксономией (*пудель* - *собака* в русском языке) и партономией (*рука* - *палец* в русском языке). При пересечении два множества имеют общие элементы, различаясь другими элементами, поэтому пересечение изображается в виде пересекающихся фигур: $A \cap B$.

В лексике этот тип проявляется как совместимость (соотносимость) двух лексических единиц, например, *брат* - *парикмахер* в русском языке (общая категория - «пол»). Дизъюнкция изображается в виде двух соответствующих фигур; таким образом, множества не имеют общих элементов. В лексике дизъюнкция проявляется как несовместимость (несоотносимость) двух лексических единиц (например, *кошка* - *собака* в русском языке). Такие единицы образуют эквонимы по отношению друг к другу и гипонимы по отношению к вышестоящей суперординате (в данном случае ~ *животное*). Частный случай несовместимости, проявляющийся как противоположность лексических единиц (антонимия), изображается в виде двух разнознаковых фигур:

Таким образом, элементы двух множеств различаются противоположными знаками, которые нейтрализуются в суперординатном множестве, например в русском языке: *большой* - *малый* (размер) (*большой* маркируется положительным знаком как «имеющий протяженность по размеру», а *малый* - отрицательным знаком как «не имеющий протяженности по размеру»).

Типы семантических оппозиций в лексике отражают объективные взаимоотношения между объектами и их свойствами в реальном мире, однако это отражение носит опосредованный и противоречивый характер. Асимметрия между категорией и ее языковым репрезентантом выражается отсутствием противочлена либо в языке (лакуна), либо в мире (например, отсутствие реального прототипа для слова *дракон* в русском языке).

Верификация семантических оппозиций между лексическими единицами должна осуществляться исключительно на основе соотнесения языкового и внеязыкового содержания, например с помощью методики установления условий истинности модели в предложении [85,88]. Так, в терминах отношений, основанных на условиях истинности, синонимия определяется, исходя из выполнения двух условий: 1) если X и Y синтаксически идентичны, 2) если любое предложение S, имеющее X, содержит эквивалентное условие истинности для предложения S1, которое остается идентичным предложению S при замене X на Y. Например, критерием синонимичности слов *violin* и *fiddle* в английском языке служит их взаимозаменяемость в предложении *He plays the violin (fiddle) well*.

Сложнее дело обстоит с установлением гипонимии. Определение «X есть гипоним Y» и, следовательно, «Y есть гипероним X» справедливо при условии

истинности аналитического выражения “Если А есть Х, то А есть У”. Например, выражение “А есть собака” позволяет вывести выражение “А есть животное”. Таким образом, *собака*, и *животное* образуют гипо-гиперонимическое отношение.

Связанные по линии гипонимии лексические единицы встречаются в предложениях обычно в определенном порядке, например, *собаки и другие животные* или *животные, включая собак* или *нет более преданного животного, чем собака* и т.д. Однако синтаксис не может служить достаточным критерием для определения гипонимии. Это становится очевидным, в частности на примере выражения “змеи и другие ядовитые животные”, поскольку если “А есть змея”, то соответствующее аналитическое выражение “змея есть ядовитое животное” ложно.

Так же трудно определить условия совместимости лексических единиц исходя только из критерия невозможности аналитического следствия. Поэтому Д.Круз различает отношения строгой совместимости (strict compatibility) и случайной совместимости (contingent compatibility) [85,93]. Х и У характеризуются отношением строгой совместимости, если они имеют, по крайней мере, один общий гипоним. Например, такое отношение характеризует выражения *змея* и *ядовитое животное*, так как, во-первых, суждение “А есть змея” не приводит к аналитическому следствию “Змея (не) есть ядовитое животное” и, во-вторых, эти выражения имеют общие гипонимы, например, *гадюка*, *кобра*, *гюрза* и т.д. Примером отношения случайной совместимости служит семантическая связь слов *dog* “собака” и *pet* “домашнее, как правило, комнатное животное, обычно, кошка или собака” в английском языке. Невозможно вывести субкатегорию, все объекты которой характеризуются признаком “pet”, поскольку потенциально все собаки обладают этим признаком, так же как и некоторые другие животные. Аналогичным образом в категории “pet” невозможно выделить субкатегорию собак, поскольку характеристика последних не ограничивается признаками такой субкатегории.

Отношения несовместимости двух лексических единиц Х и У устанавливаются, если для выражения “А есть Х” справедливо аналитическое следствие “А не есть У”. Например, если А есть собака, то А не есть лошадь, осел, баран и т.д.

Отличие антонимии как крайнего случая несовместимости состоит в степени регулярности отрицательной импликации. Например, выражение “А есть длинный” имплицитно означает, что А не; характеризуется отсутствием протяженности в длину, в то время как противопоставление длины другим пространственным параметрам не образует истинностного условия для антонимии. В целом антонимическая оппозиция шире самого понятия антонимии [24,110], поскольку легко вытекает из дизъюнкции при подчинении членов оппозиции одной и той же суперординате, например, *рука - нога* (суперордината *конечность*).

Следует заметить, что методика установления характера семантических оппозиций в лексике с помощью определения условия истинности, будучи достаточно эффективной для определенной части лексики, не может применяться для фронтального анализа всего лексикона. Этот метод, в целом уступает компонентному методу, имеющему собственную теоретическую базу и философскую перспективу, и поэтому не может претендовать на роль всеобъемлющего и альтернативного семантического метода описания лексики, однако может использоваться как независимый способ проверки результатов проведенного компонентного анализа.

§ 3. Семантические структуры в лексике

Все виды рассмотренных оппозиций образуют модели семантических структур лексикона, основанные на иерархическом принципе, объединяющем гипонимию и партономию. Гипонимия отражает иерархию отношений между общим и частным, пронизывающих мир снизу доверху, а партономия - иерархию связей между частями общего. Основание первого есть единство мира в его разнообразии, а основание второго - целостность мира в его членениях [46,88]. При этом партитивное членение может совпадать с гипонимическим, например виды мебели образуют вместе с тем и части необходимого гарнитура. Примат иерархического принципа обуславливает определенный параллелизм между другими типами семантических оппозиций, например между совместимостью и несовместимостью, поскольку оба типа подчиняются гипонимии как более фундаментальному типу семантических отношений в лексике.

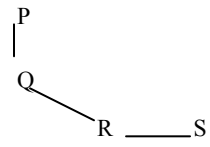
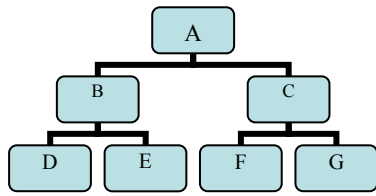
Можно выделить две основные модели семантических структур лексикона: ветвящуюся и неветвящуюся [85,112]. Как первая, так и вторая модель, характеризуется признаком доминирования, т.е. распределением элементов множества по вертикали. Ветвящиеся структуры, кроме того, характеризуются признаком дифференциации, которая упорядочивает элементы множества по горизонтали, создавая между ними эквиополентные (эквонимические) отношения.

Доминирование характеризуется асимметричностью, т.е. однонаправленностью (выражение $A > B$ не тождественно выражению $B > A$) и цепочечностью ($A > B > C > D...$ и т.д.). Асимметричность и цепочечность характеризуют в равной мере как ветвящиеся, так и неветвящиеся структуры, которые схематично можно изобразить следующим образом:

Схема №1

а) ветвящаяся структура

б) неветвящаяся структура

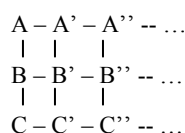

Основные типы ветвящейся структуры представлены таксономией и партономией (Круз называет этот тип мерономией).

Наиболее распространенный вид таксономии - непропорциональная таксономия, в которой ветви соседних уровней различаются числом ветвлений. Поэтому число гипонимов двух соседи носимых подмножеств, получаемых в результате разбиения общего множества, варьируется так же свободно, как и число множеств. Примером может служить таксономия живого мира, которую невозможно представить в виде единообразной парадигмы.

Такая единообразная парадигма представляет собой более редкий вид - пропорциональную цепочечную таксономию. Примером может служить таксономия домашних животных, выделенных по признакам "общее обозначение" - "самец" - "самка", представленная в виде следующей схемы:

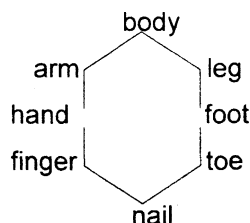
Схема № 2

Основа пропорциональной таксономии или базисная парадигма имеет вид клетки, которая может расширяться по обеим осям. Например, по вертикали данная парадигма расширяется по признаку "вид животного", а по горизонтали - по дополнительным признакам, например, "детеныш", "кастрированный самец", "молодой самец", "молодая самка" и т.д. Поэтому в идеале пропорциональная таксономия имеет открытый характер, и даже такая относительно замкнутая парадигма как "родство" может раздвигаться по вертикали по мере последовательного удаления от "эго" поколений родителей и рожденных (ср. в русском языке: *прапрапрадедушка*, *прапраправнук* и т.д.).

Другой тип ветвящейся структуры - партономия - отражает концептуальные отношения между частью и целым. Классическим примером может служить партономия соматизмов, привлекающая к себе внимание своей близостью к концептуальной сфере "человек". Как и в таксономии, расхождение ветвей может привести к дальнейшему схождению, т.е. образованию замкнутой цепи. Например, в английском языке контрапунктом такого схождения в наименованиях частей тела служит соматизм *nail*, как это видно из следующей схемы:

Схема №3

Так же как в таксономии, конфигурация партономической структуры отражает языковую относительность вследствие своеобразия языковой категоризации. Такое своеобразие может быть обусловлено внешним фактором, например значимость частей рук и ног в "языках холодного климата" может объясняться необходимостью ношения обуви и длинных рукавов, что приводит к когнитивному обособлению ступней и кистей рук, вызывая соответствующую лексикализацию [161, 197 и сл.]

Неветвящиеся иерархические структуры делятся на производные и непроизводные. Производные ветвящиеся структуры выводятся из непроизводных с помощью элементов, представляющих разные уровни контраста, например, *животное* — *млекопитающее* - *собака* - *овчарка* - *немецкая овчарка*. Непроизводные структуры образуют последовательности элементов, а не уровней, т.е. внутреннюю упорядоченность элементов по порядку следования, например названия дней недели или месяцев, названия воинских званий и чинов, или по степени изменения признака. Например, А.М.Кузнецов сравнивает две парадигмы, структурированные по признаку "размер" в английском языке: 1) *mound - hill - mountain* и 2) *mouse - dog - horse - elephant*, указывая, что только в первой парадигме действует принцип естественности, т.е. внутренней упорядоченности. Из выражения "А есть mountain" "гора" вытекает, что mountain выше, чем hill "холм", в то время как категория "слон" вовсе не имплицитно подразумевает больший размер по сравнению с категорией "лошадь", поскольку существуют карликовые разновидности [32, 117].

Кроме парадигматических отношений в лексике проявляются многообразные виды синтагматических отношений, обусловленные типовыми семантическими отношениями, например между действием и его актантами в предложении, которые в другой перспективе можно обозначить как ассоциативные отношения. Можно выделить, например, следующие типы таких отношений: 1) субъект (логический субъект) - действие (например, *собака - лаять*, *врач - лечить*, *огонь - гореть*, *ветер - дуть* и т.д.); 2) субъект (логический объект) - действие (например, *деньги - тратиться*, *вкус - чувствоваться*, *запах - ощущаться* и т.д.); 3) действие - объект (например, *петь - песня*, *прожить - жизнь*, *наследовать - имущество* и т.д.); 4) а) атрибутивная

характеристика действия - субъект (например, *видящий* - *око*, *слышащий* - *ухо*, *нюхающий* - *нос* и т.д.); б) атрибутивная характеристика действия - объект (например, *видимый* - *причина*, *слышимый* - *звук*, *обоняемый* - *запах* и т.д.); 5) а) субъект - действие - объект (например, в английском языке: *employer* - *employ* - *employee*, *donor* - *donate* - *donation*, *inventor* - *invent* - *invention*, *thief* - *steal* - *loot*, *preacher* - *preach* - *sermon*), б) субъект - действие - объект - адресат (например, в английском языке: *payer* - *pay* - *payment* - *payee*, *giver* - *give* - *gift* - *receiver*) [80, 128].

Разумеется, эти типы отношений не исчерпывают всего разнообразия семантических связей, основанных на характеристике действия в предложении. Если полная инвентаризация семантических связей в лексиконе вообще возможна, то, вероятно, это можно сделать лишь с помощью компонентной методики, и такая инвентаризация должна быть предметом отдельного исследования. Здесь же важно подчеркнуть, что все типы и виды семантических связей в языке основаны на фундаментальной способности человеческого ума типизировать, т.е. проводить сравнения между вещами, свойствами и отношениями реального мира, закрепляя результаты сравнения в виде психических ассоциаций. Ассоциативность мышления образует тот когнитивный стержень всех видов семантических полей, который делает и?; психологически реальными содержательными структурами, существующими независимо от воли исследователя.

Другое замечание, которое необходимо сделать в связи с рассмотренными типами семантических оппозиций и структур лексикона, касается методологии описания этих отношений. Описание семантических отношений в терминах оппозиций и аналитических следствий (постулатов значения) характеризуется отсутствием общей методологической основы. Такой основой может служить только компонентная теория значения, которая обеспечивает единообразное и экономичное описание всех видов семантических связей.

Семантические связи лексических единиц образуют сетевые ячейки семантического пространства языка. Поскольку каждая единица лексики соотносится через множество ассоциативных переходов со всеми другими единицами, подобно тому как любой человек связан "многочисленными родственными комбинациями" с каждым представителем человечества, семантическое пространство языка характеризуется непрерывностью. Правило 6 шагов Ю.Н. Караулова показывает, что любые взятые произвольно языковые единицы обнаруживают семантическую взаимосвязь на расстоянии не более 6 семантических переходов друг от друга. В частности, расстояние "от великого до смешного" измеряется всего четырьмя шагами: "великий" - "значение" - "смысл" - "нелепый" - "смешной" [24, 77-78]. Ни одно структурное исследование "не дотягивает" до всего лексикона в его целостности, поскольку постулат о членимости лексики сверху донизу не воплощается ни в одном языке, однако правило 6 шагов показывает, что лексика есть в целом гомогенное образование с зонами большей или меньшей степени семантической непрерывности, чередующимися между собой в порядке отличном от порядка в логической иерархии множеств.

§ 4. Типология исследований семантического поля

Теория семантического поля имеет примечательную судьбу, поскольку с самого возникновения не утихает дискуссия, вызванная первыми публикациями на эту тему.

Проблематика семантического поля рассматривается обычно либо в оригинальных теоретических трудах, либо в функциональных обзорах, предваряющих эмпирическое исследование и имеющих вторичный характер. С исключением этой вторичной литературы число теоретических работ по данной проблематике становится вполне обозримым.

Типология теоретических исследований по проблемам семантического поля может строиться на разных принципах, например на определении содержания понятия "семантическое поле", на таксономии типов семантических полей, на источниках развития полевой теории, на общей оценке вклада основоположников и отношении к основным положениям их концепции. В разной мере эти принципы проявляются в конкретных обзорах, сочетаясь друг с другом и с хронологическим принципом, который нигде не выдерживается до конца, даже в ранних публикациях, положивших начало дискуссии, например, в работах С. Эман [132], М.М. Гухман [19], А.А. Уфимцевой [63; 64], К. Ройнинга [140], Х. Кронассера [116] и др.

Примером типологии по определениям семантического поля может служить работа Ю.Н. Караулова, который все определения делит на три группы: общие определения поля как "единицы" лексико-семантической системы языка, определения по свойствам и определения по принципам внутренней организации [24, 23]. Совпадающие признаки поля в определениях разных авторов независимо от подхода образуют его типологические свойства, а несовпадающие характеристики указывают на проблемы построения всеобъемлющей теории. Общими свойствами поля признаются, например, следующие свойства: 1) Взаимосвязь элементов, 2) регулярный характер связей между элементами, 3) значимость каждого элемента, зависящая от его отношения к соседним элементам, 4) принципиально общий, единый для всех языков характер семантических структур, лежащих в основе эквивалентных полей, 5) исторически обусловленное существование конкретного поля в каждом языке, 6) культурно-языковая специфика проявления семантических структур, образующих эквивалентные поля в разных языках.

Основные проблемы теории поля, имеющие принципиальный характер, можно выразить в следующих вопросах: 1) Как соотносится семантическое поле и полисемия? Входит ли многозначная единица в несколько полей или только в одно поле? 2) Как

соотносится понятийная сфера с лексической сферой? Действительно ли понятийная сфера членится как мозаика или же существуют пропуски и перекрещивания? 3) Обладает ли семантическое поле психологической реальностью или является всего лишь эвристическим приемом и, следовательно, зависит, в большей или меньшей степени, от исследовательского субъективизма? Если семантическое поле признается как реально существующий феномен языка, независимый от воли исследователя, относится ли этот феномен к имманентным свойствам языка или к промежуточному миру? Если семантическое поле представляет собой лишь эвристический прием для описания существующих в языке семантических отношений, то должен ли исследователь отталкиваться от сферы опыта или исходить из внутренней логики исследования?

Примером аналитического обзора исследований по проблемам семантического поля может служить работа Л.М.Васильева, и которой приводится не только исчерпывающая типология семантических полей, но и полный свод имен и проблем, а также наиболее взвешенная оценка вклада основоположников в развитие полевой теории [9]. (Типология Васильева будет подробно изложена ниже в связи с рассмотрением вопроса о типологии семантических полей).

Примером теоретического обзора исследований по полевой проблематике с точки зрения источников развития теории может служить работа А. Лерер [118], в которой выделяются 3 таких источника: 1) вклад германских лингвистов, 2) вклад американских этнолингвистов, 3) вклад составителей идеографических словарей. Как снисходительно признает большинство американских лингвистов, теория семантического поля есть сугубо европейский продукт. Безусловно, полевые исследования американских этнолингвистов, направленные на изучение структуризации опыта в народных таксономиях, дают ценный эмпирический материал, в частности материал экзотических языков, для дальнейших теоретических обобщений. Однако эти исследования теоретически не связаны напрямую с полевой проблематикой и не могут считаться источником полевой теории. В качестве таковых источников следует выделять, во-первых, вклад германских основоположников, во-вторых, вклад создателей европейских идеографических словарей или направление *Wörter und Sachen*, которое занимается изучением языковой концептуализации мира “сверху донизу”, в-третьих, вклад структурной семантики.

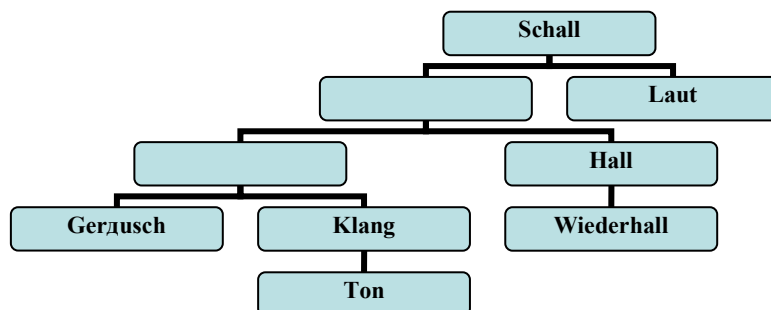
В настоящем разделе обзор теоретических работ, посвященных проблеме семантического поля, строится на основе нескольких принципов, рассмотренных выше. В качестве главного принимается принцип источников полевой теории, однако композиционно рассмотрение трех источников и составляющих частей проводится в разных разделах. В данном разделе рассматриваются идейно близкие источники, связанные с вкладом основоположников и составителей идеографических словарей. Проблематика компонентной теории значения, которая исходит из допущений, независимых от полевой теории, рассматривается во втором разделе.

В русле основных источников полевой теории рассматривается целый круг взаимосвязанных проблем, касающихся оценки основных допущений, принятых в теории семантического поля, эффективности полевого метода, определения семантического поля и смежных понятий, параметризации и типологии семантических полей.

§ 5. Зарождение полевого метода в семасиологии.

Хотя полевая теория с соответствующим метаязыком получает свое методологическое обоснование в трудах германских ученых лишь в конце первой трети XX в., сам метод имеет более долгую историю. Через 100 лет после Лейбница, стремившегося к созданию универсального словаря, представляющего слова в соответствии с природой обозначаемых вещей, уже появляются первые эмпирические исследования семантического поля. Так, в 1856 г. К.Хейзе исследует лексическое поле Schall [105], которое правильнее назвать концептуальным, поскольку в нем выделяются пустые множества, не лексикализованные языком, т.е. лакуны (См. следующую схему):

Схема №4

Лакуны, указанные на схеме кружками, обозначают отсутствие общих наименований для *Geransch* и *Klang*, а также для *Geransch*, *Klang* и *Hall*.

В схеме Хейзе содержится по сути дела настоящий структурно-семантический анализ, хотя автор, по-видимому, не имел такого намерения и применил структурно-полевой метод интуитивно для установления иерархической организации лексической группы *Schall*.

В 1910 г. в статье Р. Мейера появляется первая типология семантических полей, называемых автором “системами значений” (*Bedeutungssysteme*). Мейер делит эти системы по природе обозначаемых вещей на “естественные” (например наименования флоры и фауны), “полуискусственные” (терминологические системы) и “искусственные” (наименования объектов вторичной природы, окружающей человека) [126, 359]. Содержание понятия “система значений” Мейер понимает как “взаимоупорядоченность некоторого ограниченного числа выражений, рассматриваемых под определенным углом зрения” [126, 359]. Значение статьи Мейера также состоит в том, что полевой подход здесь увязывается с компонентной методикой анализа с помощью “дифференциальных факторов”, хотя этот опыт и не опирается на формально-теоретическую базу.

В идейно-теоретическом плане возникновение полевой теории обычно связывается с учением Ф. де Соссюра о “значимости языковых сущностей”, приобретаемых ими лишь внутри замкнутых систем, и с возрождением в XX в. учения В. Гумбольдта о “внутренней форме языка”, понимаемой как “постоянный и гомогенный элемент в деятельности ума, который поднимает артикулированный звук до выражения мысли” [106, 43] и предопределяет закон лексической членности языка.

На становление теории и метода семантического поля большое влияние оказало новое направление психологии - гештальтпсихология, поднявшая бунт против “атомизма” классической психологии в 1912 г. [127, 14]. Именно гештальтпсихологии наука о языке обязана отказом от атомистического подхода к описанию языковых явлений и поворотом от диахронного к системно-синхронному языкознанию. Таким образом, переход к изучению лексикона как структурно-системного образования совпадает с общим развитием науки как системы знаний о мире.

В этом смысле вполне закономерно происхождение самого термина “поле” в применении к языковым явлениям. Употребление этого термина (*Feld*) восходит к Г. Ипсену, который определяет его содержание как “совокупность слов, обладающих общим значением” [107, 225]. Появление этого слова в лингвистике объясняется либо прямым заимствованием из физики в гуманитарные науки, такие как лингвистика, психология, социология, биология, либо опосредованным заимствованием через гештальтпсихологию. В любом случае употребленный впервые в лингвистике Г. Ипсеном термин “поле” вполне отвечает духу времени. Поскольку в разных контекстах этим термином обозначаются столь разные понятия: силовое поле, биополе, психическое поле, поле деятельности, языковое поле и т.д., можно сомневаться в удобстве этого обозначения, полагая к тому же, что в языкознании оно подменяет собой термин “система”, лишенный ненужной образности. В таком сомнении есть безусловный резон, однако растущее число работ, авторы которых применяют именно это обозначение, убеждает в том, что термин “поле” прочно вошел в концептуальную парадигму современной семантики, и поэтому вряд ли правомерно менять существующее обозначение.

Употребляя это слово в 1924 г., как бы мимоходом, Г. Ипсен вряд ли еще осознает, какая переменчивая судьба его ожидает, хотя сам первоначально понимает семантическое поле как группу слов, связанных только семантически, а в дальнейшем, занимаясь изучением названий металлов, уже как группу слов, объединенных вокруг ядерного слова как формально, так и семантически [108, 14]. Таким образом, с самого начала отсутствует ясное осознание того, какой критерий - семантический или формальный - должен интегрировать слова в одно семантическое поле. Правда, знаменитая аналогия семантического поля с мозаикой, принадлежащая Ипсену, имплицитно определяет семантический критерий: “как в мозаике соединяется здесь слово со словом, одно вплотную к другому, так что в итоге их контуры совпадают, и все вместе они восходят к смысловому единству высшего порядка, не опускаясь до гнилых абстракций” [107, 225].

Весьма своеобразной представляется концепция А. Йоллеса. Йоллес исходит из существования в языке значений, которые не могут быть выражены отдельными словами и которые предлагается именовать термином “синонимон” (*synonymon*), понимая под этим обозначением ядро поля, к которому стремятся все его члены. Отличаясь от трировского понимания поля как неизменяемой во времени содержательной субстанции, синонимон Йоллеса постоянно расширяется, поскольку, чем важнее становится конституирующее данную группу понятие, тем больше слов в нее втягивается, чтобы полнее выразить конкретный синонимон, например, *links: rechts* в немецком языке, *gauche: droit* во французском языке, *левый: правый* в русском языке [112]. Примечательно, что концепция синонимона как минимального семантического поля, состоящего всего из двух членов, заимствованная по утверждению Йоллеса у древнего грамматика Дионисия Фракса, в пух и прах разбивается И. Триром, как и концепция В. Порцига.

Вначале В. Порциг, как и Йоллес, понимает *Bedeutungsfeld* только как элементарное образование, противопоставляя его трировской концепции, однако после критики начинает признавать трировское поле, называя его паратактическим, т.е. парадигматическим, в отличие от своего синтагматического поля [135, 126].

Под синтаксическим полем Порциг понимает словосочетания и синтаксические комплексы, основанные на “сущностных связях значений”, т.е. семантических компонентов. Такие связи можно найти, например, в сочетаниях глагола с именами существительными и прилагательными: действие - орудие действия (*sehen* “видеть” - *das Auge* “глаз”, *greifen* “хватать” - *die Hand* “рука”), действие - субъект действия (*bellen* “лаять” - *der Hund* “собака”, *wiehen* “ржать” - *das Pferd* “лошадь”) и т.д. Каждое такое семантическое или семантико-синтаксическое поле обусловлено лексической валентностью сочетающихся слов и моделью синтаксических отношений. Существование такого поля свидетельствует о том, что своеобразие семантической структуры языка проявляется не только в характерных для данного языка семантических связях слов, но и в ассоциативно-синтаксических связях. Поэтому “элементарные семантические поля” Порцига предусматривают структурно-семантический анализ между производящими и производными единицами, т.е. словами и словосочетаниями, и анализ форм производности. В этом отношении можно отметить близость семантических полей Порцига и разноразрядных функциональных (лексико-грамматических) полей, которые предполагают анализ средств выражения определенной семантической категории. Различие здесь относится, главным образом, к подходу или способу выделения семантического поля. Если Порциг исходит из значения конкретных языковых единиц, то междуразрядный анализ исходит из понятия, не соотношенного с конкретной лексикой. Начало таких исследований можно найти уже у Л. Вайсгерберга [158], который рассматривает разные средства выражения аспектуальности в языках, такие как лексические (разноразрядные глаголы), словообразовательные (например, в русском языке: *звенеть* - *зазвенеть*), грамматические (например, в немецком языке: *er hat geschwommen* “он плыл” - *er ist geschwommen* “он приплыл”).

Синтагматические поля Порцига или, по выражению Э. Косериу, лексические солидарности, пользуются почти единодушным признанием специалистов, в отличие от семантических полей Й. Трира. Однако именно концепция Трира, точнее Трира-Вайсгерберга вызвала плодотворную дискуссию в языкознании, отражая в себе как в зеркале сильные и слабые стороны подхода основоположников к построению теории семантического поля.

Й. Трир исходит из сосюррианского понятия значимости, считая, что “все получает смысл только из целого” и что “слово имеет смысл только потому, что его имеют также другие, смежные с ним слова” [150, 417]. В другой работе Трир полемически заостряет эту мысль, утверждая, что “вне поля слово вообще не может иметь значения” [149, 5].

При этом Трир различает два вида полей - *Begriffsfelder* “понятийные поля” и *Wortfelder* “лексические поля”, утверждая, что единицы лексического поля, т.е. слова, полностью покрывают единицы понятийного поля, т.е. понятия. Объединение *Begriffsfelder* и *Wortfelder* образует *Sprachliche Felder* “языковые поля”, замкнутые, двусторонние автономные единицы языка. Таким образом, языковое поле составляет как бы среднее звено между лексическим массивом языка, состоящим из минимальных зависимых единиц, и лексико-семантической системой языка, которая конституируется языковыми полями.

Установление такого изоморфизма между лексикой и понятийной сферой обуславливает понимание внутренней формы языка как выражения мироощущения его носителей, которое изменяется с течением времени. Например, рассматривая интеллектуальное поле с ядром из трех слов в средневерхненемецком языке - *wisheit* (общее обозначение) - *kunst* “социальное знание и поведение” - *list* “техническое знание и умение”, Трир констатирует изменение внутренней формы языка в связи с изменением, произошедшим в данном поле к 1300 г.: *wisheit* приобретает религиозно-мистическое содержание, *kunst*, напротив, употребляется для обозначения светского знания, *list* вообще исчезает и на его месте появляется *wissen* “знание искусства”.

Л. Вайсгербер, так же как Трир, считает слово минимальной зависимой единицей, которая существует только благодаря целому, т.е. лексическому полю. “Чтобы понять значение отдельного слова, - пишет Вайсгербер, - надо представить все поле и найти в его структуре место этого компонента” [159, 185]. Как и Трир, Вайсгербер считает слово неразрывным единством одного имени и одного понятия, т.е. исключает существование полисемии: “в языке нет никаких многозначных слов, давших пищу многим рассуждениям” [8, 67]. Поэтому, например, утверждается, что сколько в языке существует цветов, столько в нем и понятий, и “всякий, изучающий этот язык, вынужден воспринять это членение и повторить его для себя... и всякий, кто вращается в языке, вынужден строить свое видение мира в соответствии с этим предначертанным в родном языке способом” [8, 74]. Значения слов, по мнению Вайсгербера, лишь препятствуют исследованию понятийного содержания языка, за которым должен сохраняться безусловный приоритет. Поэтому, исследуя структурно расчлененные концептуальные сферы, связанные с формированием “интеллектуального образа мира”, Вайсгербер резко

выступает против семасиологии как науки о значениях слов [158].

Таким образом, совершенно независимо от Уорфа Вайсгербер выражает идею жесткой зависимости мировоззрения от языковых решений, выступая европейским глашатаем сильной версии гипотезы языковой относительности.

Решительно возражая против идеи единства человеческого мышления, имеющего надязыковой характер, Вайсгербер ссылается на аргумент о неизбежном искажении смысла при переводе с одного языка на другой. Смысл меняется якобы потому, что логика каждого языка вырастает на почве родного языка, и “то, что в другом языке; имела бы место та же логика, представляется невероятным” [8,93].

Отличие подхода Вайсгербера от трировского подхода состоит главным образом в способе выделения семантического поля: у Трира это ономастиологический способ, у Вайсгербера - семасиологический, хотя конечный результат одинаковый - языковое поле, образующее как бы промежуточный мир (*Zwischenwelt*) между внешним миром и сознанием человека определенной языковой общности.

Оживленное обсуждение концепции Трира-Вайсгербера продолжается в течение долгого времени вплоть до 80-ых годов (см., например М.М. Гухман [19], Ю.Н. Караулов [24], А.И. Кузнецова [33], А.А. Уфимцева [63], Г.С. Щур [73], К. Габка [94], Х. Гекелер [95], выражения определенной семантической категории. Различие здесь относится, главным образом, к подходу или способу выделения семантического поля. Если Порциг исходит из значения конкретных языковых единиц, то межуровневый анализ исходит из понятия, не соотношенного с конкретной лексикой. Начало таких исследований можно найти уже у Л. Вайсгербера [158], который рассматривает разные средства выражения актуальности в языках, такие как лексические (разноуровневые глаголы), словообразовательные (например, в русском языке: *звенеть* - *зазвенеть*), грамматические (например, в немецком языке: *er hat geschwommen* “он плыл” - *er ist geschwommen* “он приплыл”).

Синтагматические поля Порцига или, по выражению Э. Косериу, лексические солидарности, пользуются почти единодушным признанием специалистов, в отличие от семантических полей Й. Трира. Однако именно концепция Трира, точнее Трира-Вайсгербера вызвала плодотворную дискуссию в языкознании, отражая в себе как в зеркале сильные и слабые стороны подхода основоположников к построению теории семантического поля.

Й. Трир исходит из сосюрианского понятия значимости, считая, что “все получает смысл только из целого” и что “слово имеет смысл только потому, что его имеют также другие, смежные с ним слова” [150, 417]. В другой работе Трир полемически заостряет эту мысль, утверждая, что “вне поля слово вообще не может иметь значения” [149,5].

При этом Трир различает два вида полей - *Begriffsfelder* “понятийные поля” и *Wortfelder* “лексические поля”, утверждая, что единицы лексического поля, т.е. слова, полностью покрывают единицы понятийного поля, т.е. понятия. Объединение *Begriffsfelder* и *Wortfelder* образует *Sprachliche Felder* “языковые поля”, замкнутые, двусторонние автономные единицы языка. Таким образом, языковое поле составляет как бы среднее звено между лексическим массивом языка, состоящим из минимальных зависимых единиц, и лексико-семантической системой языка, которая конституируется языковыми полями.

Установление такого изоморфизма между лексикой и понятийной сферой обуславливает понимание внутренней формы языка как выражения мироощущения его носителей, которое изменяется с течением времени. Например, рассматривая интеллектуальное поле с ядром из трех слов в средневерхненемецком языке - *wisheit* (общее обозначение) - *kunst* “социальное знание и поведение” - *list* “техническое знание и умение”, Трир констатирует изменение внутренней формы языка в связи с изменением, произошедшим в данном поле к 1300 г.: *wisheit* приобретает религиозно-мистическое содержание, *kunst*., напротив, употребляется для обозначения светского знания, *list* вообще исчезает и на его месте появляется *wissen* “знание искусства”.

Л. Вайсгербер, так же как Трир, считает слово минимальной зависимой единицей, которая существует только благодаря; целому, т.е. лексическому полю. “Чтобы понять значение отдельного слова, пишет Вайсгербер, - надо представить все поле и найти в его структуре место этого компонента” [159,185]. Как и Трир, Вайсгербер считает слово неразрывным единством одного имени и одного понятия, т.е. исключает существование полисемии: “в языке нет никаких многозначных слов, давших пищу многим рассуждениям” [8,67]. Поэтому, например, утверждается, что сколько в языке существует цветов, столько в нем и понятий, и “всякий, изучающий этот язык, вынужден воспринять это членение и повторить его для себя... и всякий, кто вырастает в язык, вынужден строить свое видение мира в соответствии с этим предначертанным в родном языке способом” [8,74]. Значения слов, по мнению Вайсгербера, лишь препятствуют исследованию понятийного содержания языка, за которым должен сохраняться безусловный приоритет. Поэтому, исследуя структурно расчлененные концептуальные сферы, связанные с формированием “интеллектуального образа мира”, Вайсгербер резко выступает против семасиологии как науки о значениях слов [158].

Таким образом, совершенно независимо от Уорфа Вайсгербер выражает идею жесткой зависимости мировоззрения от языковых решений, выступая

европейским глашатаем сильной версии гипотезы языковой относительности.

Решительно возражая против идеи единства человеческого мышления, имеющего надязыковой характер, Вайсгербер ссылается на аргумент о неизбежном искажении смысла при переводе с одного языка на другой. Смысл меняется якобы потому, что логика каждого языка вырастает на почве родного языка, и “то, что в другом языке; имела бы место та же логика, представляется невероятным” [8,93].

Отличие подхода Вайсгербера от трировского подхода состоит главным образом в способе выделения семантического поля: у Трира это ономастологический способ, у Вайсгербера – семасиологический, хотя конечный результат одинаковый – языковое поле, образующее как бы промежуточный мир (Zwischenwelt) между внешним миром и сознанием человека определенной языковой общности.

Оживленное обсуждение концепции Трира-Вайсгербера продолжается в течение долгого времени вплоть до 80-ых годов (см., например М.М. Гухман [19], Ю.Н. Караулов [24], А.И. Кузнецова [33], А.А.Уфимцева [63], Г.С. Щур [73], К. Габка [94], Х. Гекелер [95], Э. Косериу [84], С. Эман [132], К. Ройнинг [140], Ф. Шайдвайлер [144]; из новейших работ см., например, коллективную монографию под ред. З.Д. Поповой [49] и статью Х. Гиппер [96]). Если в начале дискуссии в фокусе внимания находятся важнейшие теоретические проблемы, связанные с соотношением единиц когнитивной и языковой моделей мира и эквивалентных полей в разных языках, с проблемой принадлежности одной и той же единицы одному или разным полям, то в дальнейшем поле рассматривается уже как инвариантное понятие, и полемика касается лишь способа выделения поля, статуса поля в языке и таксономии семантических полей. Существует также тенденция, наметившаяся после критического обсуждения концепции Трира-Вайсгербера с позиции структурной семантики, к созданию единой теории поля [95].

§ 6. Общая оценка метода семантического поля

Основное внимание критики полевого метода уделяют трировской концепции, указывая, например, на следующие недостатки: неполнота фактического материала (исследуется только поле “интеллект” в немецком языке); ограниченность материала древним, а не современным состоянием языка, что влияет на результат исследования; игнорирование асимметрии языкового знака, что приводит к искусственности определения границ поля; недооценка синтагматических связей слов; переоценка значимости слов. [64].

Наиболее полный свод критических замечаний в адрес трировской концепции приводит Л.М. Васильев, ссылаясь по каждому пункту на конкретный источник: 1) идеализм в понимании корреляции между языком; действительностью и мышлением; 2) логический априоризм, т.е. логический критерий выделения поля; 3) взгляд на поле как на закрытое лексическое образование, соответствующее непрерывному понятийному континууму, со строгими и непересекающимися границами;

4) полный параллелизм между лексическими и понятийными полями; 5) семантический релятивизм, т.е. отказ от слова как самостоятельной единицы языка; 6) игнорирование полисемии и конкретных связей слова; 7) пренебрежение к фактам живого языка за счет увлечения данными древних состояний немецкого языка; 8) пренебрежение глаголами и устойчивыми словосочетаниями за счет исследования исключительно субстантивных слов; 9) верификация структурной в своей основе гипотезы неструктурными методами; 10) неудачные метафоры, применяемые при характеристике полей, такие как “мозаика”, “покрывало”, “сетка” [9, 107].

Несмотря на эти недостатки, Л.М. Васильев считает концепцию Трира-Вайсгербера важным этапом в развитии структурной семантики, стимулировавшим новые исследования в данной области, которые можно разделить на подражательные и оригинальные. Если подражательные подтверждают несостоятельность многих положений трировской теории, то оригинальные исследования, преодолевая ошибки Трира, намечают новые перспективы [9, 107].

Слабые стороны теории семантического поля связаны во многом с “родимым пятном прошлого”, т.е. с происхождением этой теории. Вместе с тем представляется очевидным, что всякая теория несет не только научную нагрузку; она дает новый импульс развития исследований в соответствующей области. Значение научной теории в том, что она порождает спор, в котором рождается истина, а истине, как всегда, не признает крайностей. Ретроспективно уже ясно, что идеи, сформулированные И. Триром и Л. Вайсгербером в виде жесткие тезисов о языковой модели мира, индивидуальной для каждого языка, и о законе лексической членимости языка, который регламентирует проекцию понятийных сфер на языковую плоскость и их членение вплоть до отдельных понятий, суть плодотворные идеи. Категоричность утверждения А.А. Уфимцевой о бездоказательности и практической неприменимости этих идей [64] объясняется прежде всего идеологическим креном отечественной лингвистики советского периода, считавшей своим долгом критиковать “идеализм” как в философии, так и в других науках. В работах последователей Трира утверждение о том, что

“каждый язык по-своему членит внеязыковую действительность”, уже становится общим местом. В этом смысле трировская теория есть новаторское достижение, сравнимое, как пишет С. Ульман, с научным подвигом пражских лингвистов [152, 159].

Идея системного описания структуры лексикона не выдумана Триром или Вайсгербером, эта идея весьма почтенна как по возрасту, так и по количеству умственных усилий, направленных на ее практическую реализацию. Оценивая вклад Трира-Вайсгербера в развитие этой идеи, следует фокусировать внимание на плодотворных положениях и наблюдениях над фактами языка, отбрасывая в то же время априорные суждения, предваряющие и обрамляющие конкретный анализ.

До сих пор не существует обзора теоретических исследований по полевой проблематике, построенного на шкале оценок эффективности этого метода. По отношению к оценке вклада основоположников все теоретические работы можно подразделить на три группы, в которых этот вклад оценивается, соответственно, 1) высоко, 2) низко, 3) умеренно критически, т.е. признание вклада полевой теории в структурную семантику сочетается с аргументированным отрицанием априорных тезисов.

К первой группе можно отнести, например, труды С. Ульмана [152] и С. Эман [132], высоко оценивших концепцию Трира, К. Ройнинга [140], считающего теорию Вайсгербера полезной и глубокой, Кронассера [116], высоко оценившего труд Р.Мейера, а также Р. Гиро [99], в целом оценившего полевой метод как “революционный в семантике”. К этой группе относятся не только исследователи, занимающиеся изучением “языкового содержания” (Sprachinhaltsforschung), но и некоторые “семантические структуралисты”, такие, как, например, Дж. Лайонз.

Низкую оценку, как ошибочный и идеалистический путь в семантике, полевой подход получает в советской лингвистике в период разгара дискуссии по полевой проблематике, в частности в работах А.А. Уфимцевой [63:64] и М.М. Гухман [19]. Эта крайне негативная оценка парадоксальным образом перекликается с крайне негативной оценкой Вайсгербером семасиологии как ошибочного пути в языкознании [158].

К умеренно критической группе можно отнести исследования, в которых прямо или косвенно просматривается перспектива синтеза полевого метода с компонентной теорией значения, например Э. Косериу [84], Х. Гекелер [95], Л.М.Васильев [9], А. Лерер [118].

§ 7. Развитие теории семантического поля в трудах продолжателей

Важным вкладом в развитие теории поля можно считать исследование А. Рудскогера, изучившего смежные семантические поля, образованные полисемантическими прилагательными *fair, foul, nice, proper* в английском языке. В его концепции многозначные слова входят в разные понятийные сферы; при этом “значения и понятийные поля почти покрывают друг друга и могут, как термины, употребляться без ограничений” [143,12]. Таким образом, в концепции Рудскогера понятийное поле так же отличается от понятийной сферы, как отдельное значение многозначного слова отличается от выражаемого этим словом понятия.

В дальнейшем такая концепция сформируется в представление об одном из видов семантического поля, который Л.М. Васильев называет семантемой [9,111] и который образуется глобальным содержанием полисеманта в силу общих семантических компонентов его семем. Принципиальное отличие концепции Рудскогера от трировской состоит в признании того, что вследствие многозначности каждое слово чаще всего входит не только в одну лексико-семантическую парадигму [42,48].

Последователь И.Трира К. Ройнинг, исследовавший семантическое поле “радость” в английском и немецком языках, в отличие от своего учителя анализирует современный языковой материал разных частей речи и признает существование пересекающихся групп. Общее же у Трира и Ройнинга - ономасиологический подход, поскольку, как утверждает Ройнинг, в основе выделения поля лежит понятие, а не слово [140,20].

Поле Ройнинга делится на субполя по признакам глубины чувства радости, интенсивности, характера проявления, временной отнесенности и наличию или отсутствию направленности. Эти признаки автор интуитивно интерпретирует как семантические признаки анализируемых слов, т.е. исследование Ройнинга имеет по существу Структурно-семантическую основу. Автор образно представляет единицы поля в виде кружков различной величины, которые накладываются и пересекаются друг с другом внутри каждого субполя различным образом, в зависимости от степени характеристики тем или иным признаком, и даже могут частично выходить за пределы большого круга, символизирующего поле приятных эмоций [140,129]. При этом каждый из сравниваемых языков характеризуется особой структурой субполей и конфигурацией, образуемой взаимодействием слов-кружков.

Близкий к этому подход можно обнаружить в исследованиях по комбинаторной лексической семантике, в которых за исходное принимается общая внеязыковая действительность, по-разному членяемая в разных языках. Например, Б. Потье исследует группу наименований предметов мебели,

предназначенных для сидения. Эта группа, называемая автором “малое лексическое объединение” (*petit ensemble*) и включающая всего 5 единиц (*chaise* “стул”, *fauteuil* “кресло”, *tabouret* “табурет”, *canape* “диван”, *pouf* “мягкий табурет”), анализируются с помощью компонентной методики. Семема (*sememe*) каждого из анализируемых слов отличается от других семем комбинаторикой ее признаков или сем (*seme*): “со спинкой”, “с ножками”, “с подлокотниками”, “для одного человека”, “для сидения”, “из твердого материала” [136,42].

Работа Потье поднимает вопрос о том, что служит объектом анализа - признаки значений слов или признаки референтов, приписываемые этим значениям. В современной интерпретации этот вопрос формулируется как вопрос о том, что определяет значение слова или что отличает его от значений других слов - необходимые и достаточные признаки (компонентный подход) или типичные условия употребления, не образующие жесткого набора признаков (прототипический подход). Этот важнейший вопрос обсуждается в соответствующем разделе, посвященном комбинаторной семантике. Здесь же следует подчеркнуть, что представление о том, что значения слов-денотативов, таких как наименования предметов мебели, не создают семантическое поле [73,32], по меньшей мере, весьма спорно, если не ошибочно. Трудно понять, почему нельзя считать наличие или отсутствие спинки семантическими признаками слов *стул* и *кресло* и на этом основании отвергать статус семантического поля у группы наименований мебели Б. Потье [136, 32-36].

Применение метода комбинаторной семантики при анализе поля пространственных прилагательных демонстрирует также А.Ж. Греймас. В фундаментальном смысле его позиция совпадает с подходом Потье, что видно из компонентного анализа 8 прилагательных, результаты которого приводятся в следующей таблице:

Таблица № 1.

лексемы семы	haut	bas	long	court	large	etroit	vaste	epais
spatialité	+	+	+	+	+	+	+	+
dimensionnalité	+	+	+	+	+	+	-	-
verticalité	+	+	-	-	-	-		
horizontalité	-	-	+	+	+	+	-	-
perspectivité	-	-	+	+	-	-		
lateralité	-	-	-	-	+	+		

Психолингвистический подход к выделению лексических областей, обладающих инвариантным содержанием, характеризует ассоциативное поле Ш.Балли [2]. Хотя идея объединения слов по ассоциациям говорящих на данном языке восходит еще к Ф. де Соссюру (“ассоциативные созвездия”) и даже, возможно, к Аристотелю, термин “ассоциативное поле” в научный оборот вводит именно Ш. Балли. В его понимании языковая система представляется человеку “в виде обширной сети постоянных мнемонических ассоциаций, весьма сходных между собой у всех говорящих субъектов, ассоциаций, которые распространяются на все части языка от синтаксиса, стилистики, затем лексики и словообразования до звуков и основных форм произношения” [2,30]. В качестве примера приводится поле “животные”, которое включает в себя такие слова, как *boeuf* “вол”, *vache* “корова”, *taureau* “бык”, *veau* “теленоч”, *ruminer* “жевать”, *beugler* “мычать” и т.д. При этом, сознавая, что объем ассоциаций у людей разный, Ш.Балли говорит об эластичности поля, которая зависит от степени мотивированности знака. Чем лингвистически мотивированнее данное поле, тем больше фиксируется внимание говорящего на его внутренней стороне и тем, следовательно, четче обозначается граница поля, и, наоборот, чем произвольнее знаки данного поля, тем многочисленнее ассоциаты у данного слова-стимула, тем дальше идут ассоциации.

Ассоциативные поля Балли близки к морфосемантическим полям П. Гиро и понятийным полям Г. Маторэ. Под морфосемантическими полями П. Гиро понимает “комплекс отношений форм и значений, образуемый группой слов” [99,89]. В качестве примера подобного поля приводится слово *chat* “кошка”, которое входит сразу в несколько ассоциативно-понятийных рядов во французском языке: “растения”, “животные”, “вещи”, “качества” и может обозначаться несколькими рядами синонимов (диалектными, жаргонными, архаичными, окказиональными словами и т.д.), составляющими в общей сложности более 100 наименований.

Ономасиологическим и социолингвистическим подходом к проблеме поля характеризуется исследование Г. Маторэ [123] (см. также другую работу этого автора [124]). Понятийное поле (*champ notionnel*), которое понимается как средство изучения социальных устоев, культуры и нравов французского общества при Луи-Филиппе, охватывает чуть ли не весь лексикон. Отдельные слова, формирующие данное понятийное поле, понимаются как “социальные

единицы” двух типов:

“слова-свидетели” (mots-temoins) и “слова-ключи” (mots-clefs). Слова-свидетели - это неологизмы, характерные для эпохи, а слова-ключи образуют ядро понятийного поля, выражая, как пишет Маторэ, “идеал данного поколения”, например, социальный тип - “философ”, цель - “благополучие, счастье”, средства - “ум, познание, чувства, ощущения” и т.д. Такая концепция, несмотря на всю ее оригинальность, не может решать задачу системного изучения лексики.

О. Духачек идет дальше Трира в разграничении языковых и понятийных полей. Языковое поле определяется как “множество слов, связанных определенными взаимоотношениями и образующих иерархически организованное структурное целое” [88,32]. Все языковые поля Духачек делит на морфологические, синтагматические (синтаксические) и ассоциативные. В морфологическом поле производные и паронимы группируются вокруг стержневого слова, в синтаксическом поле слова группируются вокруг центрального члена на основе формально-семантического сходства, а в ассоциативном поле - на основе субъективных психологических ассоциаций в плане выражения и/или в плане содержания.

Понятийное поле понимается как любое лексическое множество, организованное на основе единой семантической значимости и включающее все слова, подводимые под определенное понятие [88,34]. Поле имеет ядро, представленное наиболее употребительным словом (архилексема Э. Косериу), периферию и промежуточную область, которая тяготеет либо к ядру, либо к периферии. Духачек различает два вида понятийных полей: элементарное, ядром которого является одно понятие, и комплексное, ядро которого состоит из нескольких понятий: “ядро элементарного понятия общее для всех слов, в комплексном же понятийном поле есть смысловая общность на основе родства нескольких представлений” [87,21-22]. Поэтому комплексные поля более обширны и менее однородны, чем элементарные поля. Материалом исследования для Духачека служат слова разных частей речи, образующие комплексное поле “красота”.

Выделение Духачеком комплексного поля есть важнейший вклад в развитие полевой теории и семантической типологии языков. В его концепции заложено также принципиальное разграничение частеречных и междатеречных или функционально-семантических полей. В дальнейшем А.В.Бондарко разовьет типологию функционально-семантических полей, установив 4 типа, каждый из которых представлен определенным набором семантических полей: 1) с предметным ядром, 2) с предикативным ядром, 3) с количественным ядром, 4) с обстоятельственным ядром [6]. Таким образом, функционально-семантическое поле конституируется общим семантическим признаком; который в силу своей абстрактности и разнородного характера может выражаться как грамматическими, так и лексическими, а также фонетическими средствами.

Другим важным вкладом в полевую теорию в трудах пражской и французской лингвистических школ является понятие ассоциативного поля, которое позволяет расширить типологию языковых полей, развивая первоначальное представление о поле как о парадигматическом или синтагматическом ряде. Исходя из характеристик ассоциативного поля в трудах французских и пражских лингвистов, общими признаками такого поля можно считать следующие: обширность, зыбкость границ, влияние субъективного фактора при выделении поля, отсутствие единого критерия выделения поля, поскольку такими критериями могут служить как общие языковые или индивидуальные психические ассоциации, так и экстралингвистический контекст. Понятие ассоциативного поля получает свое дальнейшее развитие в концепции Э. Косериу и у отечественных лингвистов, в частности у Ю.Н. Караулова.

Концепция Э. Косериу в фундаментальном отношении не противоречит теории Трира-Вайсгербера, основанной на интуиции. Различие состоит в том, что Косериу развивает полевую теорию в структурном направлении, по существу объединяя ее со структурной семантикой и выражая это объединение более эксплицитно, чем Потье и Греймас.

Если в трудах Трира-Вайсгербера понятия Wortfeld и Begriffsfeld подчас смешиваются, то Косериу их четко различает. Каждое лексическое поле есть понятийное поле, но не каждое понятийное поле образует лексическое поле, относясь, например, к терминологической сфере. Это связано с тем, что каждая лексема выражает понятие, тогда как не каждое понятие выражается одной лексемой, например, понятие “30-летняя война” выражается словосочетанием [84, 59]. Таким образом, не существует изоморфизма между единицами лексического и семантического уровней. Единицами лексического уровня признаются лексема и архилексема, т.е. единица, покрывающая все смысловое содержание поля, хотя эта единица может и отсутствовать. Смыслоразличительными признаками при анализе лексем выступают семы [84,58].

По степени структурированности поля Косериу различает лексические и ассоциативные поля. Лексическое поле представляет собой лексематическую систему, структура которой определяется семантическими различиями ее единиц. Ассоциативное поле характеризуется большей степенью

семантической энтропии, имея центробежный характер, в отличие от лексического, центростремительного поля [84,58].

Косериу, безусловно, прав в том, что системное описание семантики должно заниматься изучением парадигматических структур лексического поля, в отличие от аморфного ассоциативного поля. Правда, Косериу не приводит убедительных критериев разграничения лексических полей и классов, а также сем и классов. Непонятно также, как производится дифференциация лексических полей и тематических групп (“things-spheres of an objective kind”). Кроме того, вызывает определенное сомнение предъявленный критерий разграничения понятийного и лексического полей, поскольку получается, что лексическое поле всегда меньше понятийного за счет отсутствия в нем словосочетаний. Представляется очевидным, что существующее в языке понятие ищет своего выражения либо в форме симплекса, либо в форме комплекса, причем комплекс может выражаться как морфологически, так и синтаксически. Вид номинации есть вопрос языковой тактики, стратегически же слово и словосочетание совершенно равны по своей номинативной функции.

Для Косериу, как и для многих других исследователей, понятие “лексическое поле” тождественно понятию “семантическое поле”, постольку, поскольку лексемы объединяются по семантическому признаку. Однако структурные отношения в семантическом поле создаются не самими словами, а их содержательными признаками. Понимая это, Б.Ю.Городецкий определяет семантическое поле как “совокупность семантических единиц, имеющих фиксированное сходство в каком-нибудь семантическом слое и связанных специфическими семантическими отношениями” [17,173]. При этом выделяется особый вид семантического поля для каждого “семантического слоя” - сигнификативного, денотативного и экспрессивного. Таким образом, для Городецкого семантическое поле имеет принципиально иную основу, чем Wortfeld германских основоположников и лексическое поле Косериу; ближе всего это понимание соответствует понятийному полю Духачека.

В отечественной лингвистике после работы А.А.Уфимцевой, посвященной изучению системных семасиологических связей слов, выражающих понятие “земля” в английском языке [64], стало обычным употребление термина “лексико-семантическая группа”. Диахронное исследование этой лексико-семантической группы Уфимцева проводит для установления “свободных межсловных и внутрисловных связей” между лексическими значениями многозначных слов, конституирующими группу, т.е. в духе Рудскогера, и поэтому такое объединение может называться семантическим полем. Однако Уфимцева, вскрывая ошибки в концепции Трира-Вайсгерберга, отбрасывает само понятие “семантическое поле” как непригодное, противопоставляя ему понятия “лексико-семантическая группа” и “тематическая группа”.

Тематические группы, определяемые обычно как объединения слов конкретной лексики, связанные общей семантической темой по типу наименований мебели, кухонной посуды, одежды и т.д., долгое время оставались на обочине столбовой дороги семасиологических исследований в силу якобы отсутствия в них системных языковых связей. Ошибочность такого взгляда становится очевидной в результате конкретных эмпирических опытов, из которых следует, что семантические отношения характеризуют единицы как сигнификативных, так и денотативных группировок лексики, различаясь лишь мерой структурированности, т.е. “степенью структурно выраженной системности” [11,127].

Ю.Н.Караулов выделяет три признака, отличающих отношения единиц тематической группы (семантического поля денотативного типа) от единиц лексико-семантической группы (семантического поля сигнификативного типа): 1) отсутствие, как правило, синонимии (ср.: *театр, мебель, почта*), 2) специфическое проявление антонимии (ср.: *город — село, театр — кино, голова — ноги*), 3) специфика гипо-гиперонимических отношений, которая проявляется в перечислении составных частей имени ситуативного характера как суперординаты [24,134].

Вероятно, эти признаки в определенной мере характеризуют тематическую группу, однако вряд ли их можно рассматривать в качестве критериальных признаков для разграничения денотативных и сигнификативных полей, поскольку различие между этими видами семантического поля (если не сводить все тематические группы к конкретной лексике) носит скорее градуированный характер. Кроме того, утверждение о том, что единицы тематической группы, как правило, не имеют синонимов, спорно (ср., например, огромное число стилистических синонимов слова *голова* и наименований других частей тела в разных языках; даже к примерам Ю.Н.Караулова можно подобрать синонимы: *театр — сцена, мебель — обстановка, почта — корреспонденция*). Сходным образом, специфика проявления антонимии в виде синонимона А. Йоллеса может характеризовать как денотативные, так и сигнификативные поля (ср., например, в терминах родства пары *отец — сын, муж — жена, дядя — тетя* и т.д.).

Таким образом, различие между семантическими полями сигнификативного и денотативного типов, не будучи семантическим, не поддается строгой алгоритмизации. При определении семантического поля как

тематической группы можно ориентироваться, очевидно, на наличие реального прототипа в каждой категории. Поэтому в целях практического разграничения этих видов семантического поля удобнее всего использовать критерий выделения поля из корпуса словаря: языковой (семасиологический) для сигнификативного поля и внеязыковой (ономасиологический) для денотативного поля [69,93]. Такой подход позволяет включать в категорию тематических групп не только существительные-денотативы, образующие инвентарные классы вещей, например названия кухонных изделий, но и другие части речи, например “кухонные глаголы” А. Лерер [118].

Несмотря на трудности в определении различия между семантическими полями разных видов, данное различие существует в когнитии, основываясь на существовании разных видов признаков, характеризующих объекты категории, - собственных и относительных. Например, вкус, цвет, форма и т.д. образуют собственные признаки категории “яблоко”, а то, что яблоко съедобно есть относительное свойство этой категории [125,47]. Вероятно, собственные и относительные признаки, занимающие различные ячейки хранения информации в мозгу, по-разному соотносятся в семантике языковых единиц: если собственные свойства соотносятся большей частью с тематической лексикой, то относительные свойства характеризуют в основном лексико-семантические группы, обеспечивая значимостные свойства их единиц в лексике

§ 8. Идеографический источник теории семантического поля

Второй источник полевой теории (направление *Wörter und Sachen*) связан со структуризацией концептуального мира в идеографических словарях,

Различие между работами Й. Трира, Л. Вайсгерберга и других лингвистов, с одной стороны, и Ф. Дорнзайфа, В. Вартбурга, Р. Халлига, с другой стороны, состоит прежде всего в объеме охватываемого материала. Если Л. Вайсгербер исследует отдельные понятийные сферы, такие как “смерть, умирать”, то для составителей идеографических словарей объектом исследования служит весь понятийный мир человеческого сознания, все внутреннее содержание языка.

В 1952 г. делается первая попытка установить универсальную вненациональную систему понятий с помощью концептуального членения мира на три главные категории: “вселенная”, “человек”, “человек и вселенная”. Каждая из этих категорий членится дальше, так что в сумме образуется еще 10 субкатегорий: ВСЕЛЕННАЯ: небо и небесные тела, земля, растительный мир, животный мир; ЧЕЛОВЕК: человек как живое существо, душа и разум, человек как общественное существо, социальная организация и институты; ЧЕЛОВЕК И ВСЕЛЕННАЯ: *a priori*, наука и техника. Эти 10 категорий в результате деления образуют 74 конечных подраздела, так что всего словарь Халлига-Вартбурга имеет 82 рубрики [101].

В отличие от теории Трира-Вайсгерберга, идеографическое направление признает отсутствие изоморфизма между концептуальной моделью мира и ее реализацией в языке. Поэтому иерархия понятий, представленная в идеографическом словаре, не может рассматриваться как смиренная рубашка для языка. Составитель идеографического словаря на материале испанского языка Х. Касарес утверждает, что “нет такой классификации, которая бы в значительной степени не была искусственной и временной” [83,14].

Вместе с тем само построение идеографического словаря имплицитно существование внутреннего содержания языка в виде пирамиды понятий. Таким образом, главный недостаток идеографического направления заключается в самой идее пирамидального строения когнитивной модели мира. Как указывает К. Балдингер, идеографический словарь дает лишь одномерное плоскостное измерение, в то время как в действительности понятия соотносятся между собой в многомерных отношениях [75,117]. Например, от болезней страдают как люди, так и животные и даже растения. Однако в словаре Халлига-Вартбурга все живые существа разделяются на три рубрики: РАСТЕНИЯ (А III), ЖИВОТНЫЕ (А IV) и ЧЕЛОВЕК (В), а категория “болезнь” приводится только в рубрике (В) “человек”.

Система Халлига-Вартбурга мало общего имеет с логической классификацией, хотя именно так она называется авторами. Скорее эту систему можно назвать “наивным реализмом” или “онтологией человека с улицы” [75,119]. Поэтому такая система не может быть свободна от субъективизма, что признается самими составителями: “каждая классификация субъективна, поэтому каждая попытка создать концептуальную макроструктуру открыта для критики” [101,XXII]. Однако дело здесь не столько в субъективизме составителя, сколько в субъективизме самой когнитивной модели мира, которая существует как множество представлений, вызываемых словом, во взаимосвязи с множествами представлений, вызываемых другими словами, т.е. существует как структура многомерных взаимоотношений между понятиями. Поэтому, например, наименование табакерки (*tabatiure*) может ассоциироваться с табаком и поэтому помещается в секцию с такими единицами как *fumer, fumeur, pipe, allumer, briquet, blague, être a cigarettes* и т.д. или с понятием “вместилище”, и тогда *tabatiure* следует поместить рядом со словами

типа *recipient, boîte, caisse, coffre* и т.д., однако авторы учитывают только первую ассоциацию и не учитывают вторую.

Недостатки устройства идеографического словаря, очевидно, неизбежны и, как это ни парадоксально, продолжают его достоинства. Всякая модель есть абстракция, и невозможно требовать от нее миниатюрной репрезентации всех атрибутивных свойств прототипа. Именно такой моделью является идеографический словарь, который объективирует когнитивную модель мира в графической форме, преобразуя живой и вечно изменяющийся мир в застывший в своей целостности пейзаж. Такой пейзаж позволяет наглядно представить себе, как соотносятся иерархически организованные концептуальные сферы (т.е. понятийные поля) между собой и лексическими средствами их выражения (т.е. лексическими полями).

§ 9. Реальность семантического поля и языковая модель мира

Семантическое поле есть объективная языковая структура, реальность которой подтверждается действием мнемонических процессов памяти. Вспоминая забытое слово, человек обычно прибегает к синонимическому или антонимическому выражению или представляет себе характерный признак объекта, составляющий структурную часть семемы его наименования. Языковая реальность семантического поля обусловлена особенностью самого языка как системно-структурного образования. Каждая единица лексикона характеризуется как значимостью, определяющей структурные отношения с другими единицами внутри системы, так и значением, направленным вовне системы. Таким образом, семантическое поле существует как структурная подсистема языка благодаря сети сигнификативных и коннотативных значимостей ее единиц и иерархии значений, определяющих положение одного поля относительно другого (Забавный пример коннотативной оппозиции значимостей приводит Р. Робинс: молодой рекрут в германской армии спрашивает сержанта о времени вечерней трапезы, используя глагол *speisen* “обедать”, коннотативно связанный с глаголами *essen* “есть” и *fressen* “жрать”, и получает ответ: “*Die Offiziere speisen, ich esse, du frßt*” [141, 57]).

В этой связи возникает вопрос, существует ли принципиальное различие между понятийным и семантическим полями, учитывая, что лексическое значение слова, отражающее в сознании предмет или явление действительности, “неизбежно заключает в себе понятие об этом предмете или явлении” [71, 73].

Критерий, который обычно предлагается для разграничения этих категорий, ставится в соответствие с критерием выделения поля из корпуса лексикона: для понятийного поля - ономаσιологический, для семантического - семасиологический. В эмпирическом исследовании отношение понятийного к ономаσιологическому, равно как отношение семантического к семасиологическому обычно не образует противопоставления. Например, для исследования наименований кухонной посуды можно исходить из соответствующей понятийной сферы или из прототипов реально существующих бокалов, кружек, чашек, стаканов и т.д. - результат будет тот же самый. Критерий выделения терминологически различается лишь в связи с характером лексического материала: ономаσιологический критерий связывается в этом случае с конкретной лексикой, а понятийный относится к логико-понятийной системе, образующей абстрактную подструктуру когнитивной модели мира и имеющей надъязыковую, потенциально универсальный характер, в отличие от конкретной, тематической лексики.

В этой связи следует заметить, что противопоставление ономаσιологического и семасиологического также в значительной мере условно. Г.С.Щур утверждает, что различие между этими подходами к описанию языка не сводится к методу, поскольку они отражают две сущностные стороны языка - функциональную и онтологическую [73, 108]. Ономаσιологический подход связан с функционированием языковой системы, а семасиологический подход есть частный случай инвариантного подхода, отражающего принцип инвариантности как способ существования группировок любых элементов, т.е. онтологию. Однако такое разграничение семасиологического и ономаσιологического вряд ли полезно в эмпирике, которая может сочетать оба подхода: семасиологическое описание языковых значений неизбежно следует за ономаσιологическим выделением объекта описания - именно такая последовательность характеризует любое исследование в области лексико-семантической типологии.

Вероятно, принципиального различия между понятийным и семантическим полями не существует, поскольку единица одного образования (семема) по своему объективному содержанию совпадает, точнее, стремится совпасть с единицей другого образования, т.е. с формальным понятием [27, 84]. Если какое-то различие между понятийным и семантическим полем все же существует, его следует искать не в критерии эмпирической объективации поля, а в различном устройстве когнитивной и языковой модели мира.

Соотношение между единицами этих моделей, как уже отмечалось, характеризуется асимметрией. Если понятие или понятийная категория всегда лексикализуется, то значение или семантическая категория, например “модальность”, “аспектуальность”, “наклонение” может формализоваться

внутри лексического уровня с помощью грамматических парадигм. Кроме того, существуют скрытые семантические категории, такие как “одушевленность”, “нарицательность”, “вещественность” и т.д., которые могут вообще не формализоваться. Поэтому лишь часть языкового содержания соответствует содержанию когнитивной модели и структурируется в виде семантических полей, соответствующих понятийным полям в идеографическом словаре.

Возникает соблазн назвать семантическим полем любое понятийное поле, которое не относится к области терминологии, т.е. любую концептуальную сферу в идеографическом словаре, постольку, поскольку эта сфера покрывается в языке определенным списком лексем. Это, однако, зависит от степени психологической реальности семантического поля, которая уменьшается по мере удаления от среднего уровня категоризации, почти исчезая в понятийном поле верхнего уровня категоризации, такого как “человек”, “животное”, “живое”, или смыкаясь с терминологической системой нижнего уровня, включающей, например, названия видов роз. Крупное содержательное объединение, соответствующее такой концептуальной рубрике идеографического словаря как “человек”, вряд ли психологически может считаться семантическим полем, в отличие от его структурных частей, каждое из которых интуитивно осознается как обозримое и ясное целое, например под наименований лица, частей тела, чувств, глаголов говорения, мышления и т.д.

Семантическое поле, как и концептуальное поле в словаре Халлига-Вартбурга, выражает наивное, а не научно-философское представление о мире, поскольку *primum vivere, deinde philosophari*. Поэтому, если сравнить группу слов *двигаться, ходить, подниматься* и т.д., объединенных семой “изменение положения в пространстве”, с группой слов *давать, убивать, подниматься*, объединенных семой “каузация”, то второе объединение интуитивно кажется менее обоснованным психологически, хотя теоретически оно вполне возможно. Из этого следует, что конституировать семантическое поле может не любой, а только такой общий признак, который существует в пространстве когнитивных моделей среднего человека.

Психологическая обоснованность семантического поля зависит также от антропоцентризма человеческого мышления. Этим в частности объясняется преимущественный выбор в качестве объекта исследования семантических полей, группирующихся вокруг понятийной рубрики “человек”. Чем более определенная языковая сфера связана с человеком, тем больше основания считать эту сферу семантическим полем.

Семантическое поле существует не только в языке в силу существования семантических взаимосвязей между единицами языка, но и в голове человека как когнитивная единица мышления. Система значений, образующих так называемый ментальный лексикон, имеет иное устройство, чем обычный словарь. В отличие от обычного словаря ментальный лексикон содержит правила распознавания значений, позволяющие сделать выбор слова в предложении, и супернаборы, в которых живут слова. Таким образом, значение слова определяется его местом в семантической сети и распознается тем быстрее, чем более связаны с ним соседние значения [90,79].

Когнитивный аналог семантического поля представляет собой семантическую репрезентацию фрагмента действительности, интериоризованную говорящим в виде когнитивной структуры и называемую в когнитивной лингвистике обычно фреймом. Фрейм характеризуется наличием узлов связи (нодов), обеспечивающих организацию семантической информации в голове. Например, фрейм для категории “ложка” включает ноды, отражающие функционирование ложки как приспособления для поедания жидкой, полужидкой и рассыпчатой еды, как инструмента для выделения порции еды из общей массы, а также ее ассоциации с другими кухонными категориями, такими как “вилка”, “нож”, “тарелка” и т.д. Таким образом, взаимосвязь единиц семантического поля объясняется взаимосвязанностью нодов [138,44]. Как подчеркивает Ч. Филмор, понимание фрейма как такой организации знания, которая составляет необходимое предварительное условие понимания тесно связанных языковых единиц, сближает его с понятием “семантическое поле” [66,57]. Различие, по мнению Филмора, состоит в том, что теория семантического поля отличается приверженностью к исследованию лексических групп ради них самих и их интерпретацией как собственно языковых феноменов. Теория фреймов менее жестко постулирует, во-первых, зависимость значения каждой единицы целого от значений других единиц, во-вторых, взаимосвязанность фреймов, образующих мир-посредник. Наиболее существенно, как указывает Филмор, первое условие, так как семантика фреймов допускает существование единственного представителя во фрейме, что в принципе отвергается теорией поля [66,61]. Таким образом, фрейм как аналог семантического поля сфокусирован как бы на аспект значения, а семантическое поле - на значимостный аспект его единиц.

Однако общее между семантическим полем и фреймом преобладает, проявляясь, во-первых, в репрезентации некоторой единой схематизации опыта с помощью различных структур лексики [67,11.6], во-вторых, в организации семантического пространства языка [43,289].

Вышеизложенное позволяет сделать следующие предварительные выводы:

- принципиальное различие между понятийным и семантическим полем

отсутствует: по сравнению с понятийным полем структура семантического поля несет на себе отпечаток человеческого фактора и характеризуется мерой психологической и языковой реальности;

- психологическая реальность семантического поля зависит, с одной стороны, от близости к среднему уровню категоризации, с другой стороны, от близости к концептуальной сфере, связанной с человеком;

- языковая реальность семантического поля как структуры содержательных единиц языка обусловлена, во-первых, психологически - существованием когнитивного аналога (фрейма) - и, во-вторых, семантически - наличием структурных связей между языковыми значениями;

- в отличие от когнитивной модели мира, представляющей собой целостную систему, отраженную в идеографическом словаре, языковая модель мира есть абстракция, существующая лишь как сумма реальных семантических полей;

- семантическое поле как языковое объединение отличается от другого вида языкового объединения - ассоциативного поля - наличием объединяющей структуры.

Ассоциативное поле имеет парадоксальный характер, распадаясь на два типа. Семантические связи между единицами первого типа раскрываются в парадигматике и синтагматике по типу тематической группы, т.е. подчиняются центристскому принципу, и такое поле можно считать семантическим. Однако в большинстве случаев ассоциативное поле центробежно, т.е. не имеет общего объединяющего начала, обеспечивающего психологическую и языковую реальность такого объединения, и такое объединение нельзя признать семантическим полем и объектом изучения структурной семантики.

Нерегулярный характер связей между семемами в ассоциативном поле несколько напоминает характер семантических связей между семемами внутри семантемы, из чего может следовать, что ассоциативное поле так же семантично, как и семантема. Однако здесь существует принципиальное различие. Семантические связи внутри семантемы "узаконены" общим означающим, в то время как ассоциации между семемами в ассоциативном поле имеют вполне индивидуально-творческий характер. Такие ассоциации можно сравнить с незаконными (внебрачными) половыми связями, в отличие от узаконенных общим означающим "супружеских" связей внутри семантической структуры полисеманта. Правило 6 шагов Ю.Н. Караулова показывает, что любые произвольно взятые слова ассоциируются по значению через ряд семантических трансформаций, и поэтому все внутреннее содержание языка можно в принципе рассматривать как одно большое ассоциативное поле, которое, разумеется, не может считаться семантическим.

§ 10. Типология языковых полей и семантическое поле

Существующие типологии языковых полей во многом неудовлетворительны в силу смещения семантического и понятийного, семантического и ассоциативного, семантического и лексического параметров, а также вследствие игнорирования функционально-семантического и смешанного типов полей. Этим смещением страдают типологии даже таких глубоких теоретиков как О. Духачек, Э. Косериу, Х. Гекелер и др. Пожалуй, наибольшей системностью и полнотой отличается типология Л.М. Васильева. Уже в ранней типологии полей Васильев выделяет три фундаментальных типа: парадигматические, синтагматические и комбинированные поля, подразделяя парадигматические на пять подтипов:

лексико-семантические группы, синоним-антонимический подтип, семантемы, словообразовательные парадигмы и части речи вместе с их грамматическими категориями [9].

В более поздней работе Л.М. Васильев выделяет пять типов полей:

1) семантические классы одной части речи, единицы которых находятся в парадигматических отношениях друг с другом и объединяются в 4 типа парадигм: лексико-грамматические разряды, синонимические ряды, антонимические ряды, лексико-семантические группы; 2) семантически соотнесенные классы слов разных частей речи, единицы которых могут находиться как в парадигматических, так и синтагматических отношениях друг с другом и объединяются в 2 типа парадигм: словообразовательные гнезда и симиляры (термин А.А. Залевской), включающие ассоциативные поля Ш. Балли и морфосемантические поля П. Гиро;

3) функционально-семантические поля, представленные в плане выражения как лексическими, так и грамматическими средствами; 4) синтаксические парадигмы, выраженные словосочетаниями и предложениями, связанными друг с другом трансформационными (синонимическими и деривационными) отношениями, типа *мне холодно* : *я мерзну* :

меня знобит (сюда же включаются и синтаксические поля В. Порцига, типа *лгать + собака = собака лает, ржать + лошадь = лошадь ржет*), 5) семантико-синтаксические поля смешанного типа, образованные в результате объединения в одной семантико-синтаксической модели типа "действие - объект": *рабочие строят дом* несколькими лексическими парадигмами в соответствии с валентностью предикатов [11].

Типология семантических полей Л.М. Васильева в принципе исчерпывает анализируемые в современной лингвистике виды лексических объединений, имеющих общий инвариант.

Из этой типологии следует, что термин “семантическое поле;”) может иметь по крайней мере два значения: широкое и узкое. В широком значении семантическое поле есть любое языковое поле, экспоненты которого выражаются как лексическими, так и грамматическими средствами языка, репрезентирующими как парадигматические, так и синтагматические, а также смешанные структуры. (В этом смысле представленная Васильевым типология есть типология языковых полей). В узком значении семантическое поле представляет собой парадигматическое поле, экспоненты которого выражаются только единицами лексического, в том числе фразеологического уровня, т.е. простыми и сложными лексемами [120,51]. Таким образом, если семантическое поле в широком значении может соответствовать в плане выражения функционально-семантическому или лексическому полю, то в узком значении его экспонентом может быть только лексическое поле (семантический класс слов).

В практике многих теоретических исследований понятия лексического и семантического поля столь же малоразличимы, как и трировские понятийные и лексические поля. Представляется, однако, естественным различие между суперединицей плана содержания и совокупностью средств его выражения [125,21]. В частности, для лексико-семантической типологии языков различие между семантическим полем как полем значений, т.е. языковой реализацией понятийной категории, и средствами экспоненции поля имеет принципиальное значение. Общей “системой измерения” при межязыковом сопоставлении может служить только внеязыковая действительность, а не внутриязыковые отношения между лексемами. Однако, вопреки утверждению В.В. Левицкого, это не означает, что объектом типологического изучения не может служить языковое поле семасиологического типа, например лексико-семантическая группа, в силу того, что идентификатор находится внутри поля [36,70]. В принципе неважно, находится ли имя поля внутри или вне системы и представляет ли собой слово или словосочетание, постольку поскольку это имя выражает познannую объективную действительность. в виде определенной когнитивной категории.

В целом понятие “лексическое поле” малоинформативно для семантики и целесообразно, вероятно, лишь с учетом функционального аспекта языковых единиц, например в духе К. юлера, который классифицирует все лексические знаки по принадлежности либо к дейктическому, либо к символическому полю, объединяющему все нарицательные единицы [7, XXIII], или имея в виду деление всего лексикона на лексико-грамматические классы и разряды слов.

Поскольку семантическое поле есть поле значений (семем), идентифицируемых общей семой, оно лишено глубины, образуемой семантической структурой полисеманта. Поэтому необходимо различать собственно семантическое поле, имеющее только двухмерное, плоскостное измерение, и лексико-семантическое поле, имеющее трехмерное, объемное измерение. Понятие “лексико-семантическое поле” позволяет интегрировать в таксономию полей тип, называемый в отечественной лингвистике лексико-семантической группой, состоящей из полисемантов, объединенных по основному значению.

Для определения семантического поля в эмпирическом исследовании серьезной проблемой является установление его границ.

Границы семантического поля зависят, с одной стороны, от ограничений, устанавливаемых исследователем, а, с другой стороны, от различной реальной протяженности и проницаемости поля в конкретном языке на данном этапе его развития. Однако различие между открытыми и закрытыми, протяженными и непротяженными полями весьма относительно. Например, традиционно считающаяся закрытой группа терминов родства варьируется по степени протяженности и закрытости в разных языках, причем степень протяженности обратно-пропорциональна степени закрытости.

Если рассматривать проблему с семасиологической точки зрения, протяженность границ поля может варьироваться в зависимости от словообразовательных возможностей языка; с ономасиологической точки зрения эта зависимость границ поля связана с точностью оязыковлeния денотата, с общественно-полезным интересом к нему. Например, в поле родства русская приставка *пра-* и английская десемантизированная морфема *great-* образуют бесчисленное множество номинаций, обозначающих поколения родителей и рожденных типа *npapnanpraned* или *greatgreatgreatgrandfather* и т.д. Подобное невозможно в татарском языке, в котором соответствующий способ словообразования (синтаксическое словосложение) и живая внутренняя форма наименования накладывают ограничение на развитие данной парадигмы (ср. татарские наименования *бабай* “дед” и *ерак бабой* “прадед”, дословно “далекий дед”). Различие в общественном интересе к типам кровных родственников состоит в том, что западное общество (английское, французское, русское и т.д.) проявляет исторически больший интерес к родству по вертикали, т.е. между поколениями родителей и рожденных, а восточное, например татарское общество - к родству по горизонтали, т.е. внутри поколения “эго”. Исторически сложившийся тип

семьи влияет на избирательность мышления по превращению смысла в значение. В русской культурно-языковой общности не представляет интереса родственник, которого можно назвать “правнучатый племянник”, и поэтому нет соответствующей номинации, несмотря на наличие семантически близких номинаций типа *правнук, племянник, внучатый племянник*.

Степень открытости поля, связанная с лексикализацией соответствующей в неязыковой сфере, меняется в разные периоды развития одного и того же языка. Например, архаичный тип семьи с большим числом родственных связей отражается в некоторых языках в виде протяженных и жестко структурированных полей. Так, в татарском языке сохраняется в виде неполной парадигмы признак “сторона родства”, показывающий отношение “эго” к родственнику старшего поколения со стороны одного из родителей: *ерак бабай* означает не только “прадед”, но и “дед со стороны матери”, *ерак эби* — не только “прабабка”, но и “бабка со стороны матери”. В диалектах русского языка сохраняется наименование дяди по отцу - *уй* и по матери - *стрый*. Признак “возраст внутри поколения “эго” в татарском языке также отражает архаичный тип семьи. Соответствующие наименования *абый* “старший брат”, *апа* “старшая сестра”, *эне* “младший брат”, *сенел* “младшая сестра” существуют параллельно более общей парадигме с наименованиями *туган* “брат или сестра”, *бертуган* “единоутробный брат или сестра”, *икетуган* “двоюродный брат или двоюродная сестра”. Широкая семантика данных имен также свидетельствует о сохранении в языке отражения архаичных семейных связей. Семантическое уподобление подобного рода восходит к аморфному состоянию лексем общего поля в архаичный период. Например, праславянский корень *atta* “мать или старшая сестра” восходит к индоевропейской форме *attikos* “отец или предок” (ср. русское *отец*). Таким образом, этот корень раньше обозначал объект прямо противоположный по половому признаку и входил в женскую, а не мужскую парадигму [29,149].

Установление границ семантического поля прямо связано с методом его построения. Исходя из изложенного выше можно выделить четыре метода построения поля: 1) логико-понятийный, связанный с идентификацией определенной концептуальной или денотативной сферы и соотносением этой сферы со средствами ее выражения в языке; 2) структурно-компонентный, связанный с методом комбинаторной семантики; 3) интуитивный; 4) дефиниционный, т.е. формальный вариант интуитивного метода, который строится исходя из установления общих элементов дефиниций в толковом словаре: “для фиксации связи двух входных слов достаточно констатировать наличие на выходе в их дефинициях хотя бы одного общего слова” [25, 6].

В этой связи полезно кратко остановиться на современной критике выделения семантического поля. Как утверждает К. Биггс, теория семантического поля допускает существование бесконечного множества полей, пересекающихся и накладывающихся друг на друга, не имея независимого и единого способа членения семантического пространства языка [79, 116].

Число семантических полей вполне соизмеримо с числом “наивных систем”, отраженных в идеографическом словаре. Как отмечалось выше, классификация концептуальных рубрик в принципе субъективна, хотя и не произвольна, и этот субъективизм объясняется сложностью взаимоотношений между объектами категорий и их признаками.

Современная критика теории семантического поля обычно противопоставляет ей процедуру постулатов значения Р.Карнапа. Однако методика постулатов, которая строится на выведении логических отношений между значениями лексических единиц, лишь подтверждает существование значимостных отношений между единицами семантического поля. Так, пример Биггса *tulip* → *flower* указывает на то, что *flower* есть имя семантического поля, которое включает значение слова *tulip* и значения других наименований цветов, таких как *dandyllion, forget-me-not, carnation* и т.д. Если же структуризация семантического поля произвольна, то таким же произвольным должен быть соответствующий постулат значения.

Системные объединения семем имеют как структурное обоснование, связанное с оппозитивными отношениями между ними, так и типологическое обоснование, связанное с основным свойством человеческого мышления - категоризацией мира. Как отмечает И.В. Поляков, несмотря на отсутствие структурно-семантического противопоставления семем “стул” и “стол”, выделение их в одну группу наряду со значениями других наименований мебели вовсе не произвольно, а “оправдано как тем, что слова *кресло* и *диван* интуитивно считаются носителями языка более близкими, чем *кресло* и *звезда*, так и тем, что указанная группировка теоретически обоснована” [50,77].

Резюмируя этот раздел, можно заключить следующее. Семантическое поле представляет собой языковую структуру, образуемую системой внутренних содержательных оппозиций, подчиненных общему (инвариантному) содержанию. Существует четыре основных типа оппозиций или парадигматических связей: тождество, включение, пересечение и дизъюнкция. Кроме отношений парадигматического типа структура семантического поля может включать также эпидигматические и синтагматические отношения, однако парадигматика образует доминирующий тип отношений в семантическом поле. Определенные черты полевой организации являются универсальными или по крайней мере общими для всех

языков, что обуславливает взаимную переводимость последних [141, 57].

Экспонентом семантического поля может служить либо список словоформ и словосочетаний в функции лексических номинаций (лексем), либо список лексических и грамматических форм, выражающих определенные грамматические категории. Таким образом, термин “семантическое поле” может употребляться в двух значениях: в узком значении как семантическое образование, экспонируемое лексически, в широком значении как семантическое образование, экспонентом которого является любое языковое, в том числе надлексическое, функционально-семантическое поле.

Теория семантического поля образует лингвистическое расширение теории категоризации: отдельно взятое семантическое поле есть реализация определенной языковой категории - лексической, лексике “грамматической, грамматической, функциональной. Так же как когнитивные категории, языковые категории существуют только в иерархии. Таким образом, одна лексическая категория, например “рука”, может образовать семантическое поле только во взаимодействии с другим(!) категориями, такими как “палец”, “локоть”, “плечо” и т.д. Исследование семантических полей связывается с изучением моделей когнитивной психологии в том же отношении, в каком связаны между собой языковая и концептуальная репрезентации [110, 402].

Система оппозиций, образующих структуру семантического поля (в узком значении) устанавливается между ее единицами (семемами), соответствующими денотативным значениям лексических единиц языка. В семантике поля семема имеет двойную репрезентацию, соотносясь одновременно с понятийной сферой или входящим в него понятием и с другими семемами внутри поля. Первое отношение образует аспект собственного содержания семемы, второе - аспект его значимости внутри семантического поля.

Будучи полем значений, семантическое поле принципиально совпадает с понятийным полем, будучи же определенным содержательным объединением языка (языковым полем), имеющим психологическое обоснование, семантическое поле варьируется по степени психологической реальности. Психологическая реальность поля зависит, с одной стороны, от близости к среднему уровню категоризации, и, с другой стороны, от близости к концептуальной сфере, связанной с человеком как живым существом. Языковая реальность семантического поля психологически обоснована его когнитивным аналогом (фреймом) и классическими моделями категоризирующего мышления, а также - в семиотическом плане ~ наличием структурных связей между языковыми значениями.

Таким образом, семантическое поле (в узком значении), в отличие от понятийного поля, тяготеет к среднему уровню категоризации и концептуальной сфере, связанной с человеком; в отличие от лексического поля, образует одноплановое поле (поле значений); в отличие от ассоциативного поля, имеет центристский и принципиально ограниченный (небесконечный) характер.

РАЗДЕЛ II. КОМБИНАТОРНАЯ СЕМАНТИКА

§ 1. Трудные вопросы комбинаторной семантики

Структурная семантика объединяет несколько подходов к исследованию лексической семантики, основанных на идеях структурализма. Употребление самого термина “структурная семантика” объясняется исторической традицией, поскольку первоначально семантика понималась как наука о лексическом значении слова.

Большинство структурно-ориентированных подходов к лексической семантике можно расценить как методы исследования. Только комбинаторная семантика (компонентный анализ) претендует на то, чтобы считаться и методом системного анализа лексики и теорией ее структурной организации. Вопреки мнению Дж. Лайонза [120, 106], комбинаторную семантику можно рассматривать как целое направление, имеющее не только солидное эмпирическое, но и теоретико-философское основание. Глобальный характер этой теории, которая находится в состоянии перманентного развития, подчеркивается ее связью с такими важнейшими теоретическими проблемами современной лингвистики, как проблема категоризации, семантического поля, словарных дефиниций, языковых универсалий и т.д.

Исходя из более широкого понимания семантической комбинаторики, термин “комбинаторная семантика”, употребляемый обычно по отношению к комбинациям семем, может также употребляться по отношению к комбинациям сем, т.е. как синоним термина “компонентная семантика”. Комбинаторная семантика исходит из онтологического допущения о том, что информация, образующая значение языковой единицы, разложима на отдельные кванты (семы), различающиеся по значимости и конституирующие структуры значений языковых единиц (семем). Это допущение связано с основополагающими принципами всей языковой структуры, т.е. принципом контрастивности и принципом разложимости языковых единиц на единицы меньшего порядка [117, 11].

Действие этих принципов невозможно понять без понимания

принципиального устройства языковой единицы, которое характеризуется комбинаторным эффектом. Комбинаторный эффект можно определить, исходя из понятия неаддитивности: разложение языковой единицы не дает тех исходных компонентов, слияние которых ее образует, а механическое слияние исходных компонентов никогда не образует данной языковой единицы [41, 111].

Комбинаторный эффект проявляется в обоих планах языка. Если слово образует “структурное единство, отличное от суммы образующих его фонем” [41, 111], то семема есть единство, отличное от механической суммы значений описывающих ее слов. Поэтому семема “мужской пол”, объединяющая семемы слов *мужчина* и *мальчик*, не тождественна словосочетанию *мужской пол*.

Основные положения комбинаторной семантики можно выразить в форме следующих утверждений: 1) семантическое пространство языка дискретно, 2) набор элементов в этом пространстве конечен и обозрим, а число комбинаций бесконечно, 3) семема может описываться как комбинация сем.

Как уже указывалось выше, комбинаторная семантика касается важнейших вопросов современной лингвистической семантики, еще не получивших окончательного разрешения; кроме того дискуссионным остается целый круг вопросов, имеющих прямое отношение к самой теории. Большинство этих вопросов связано с определением природы семы как односторонней семантической единицы: 1) каков статус семы в языке?; 2) как определяется значение в комбинаторной семантике?; 3) какова природа содержательной субстанции, называемой семой?; 4) каково психологическое обоснование компонентной теории?; 5) можно ли вывести универсальный набор сем, который может служить метаязыком всей лексико-семантической системы языка и универсальным эталоном для сравнения языков?; 6) что служит критерием выделения сем?

Эти “трудные вопросы”, которые ставятся почти во всех исследованиях, посвященных теории компонентной семантики, приобретают иногда односторонне негативную интерпретацию. Вместе с тем растущая эмпирика применения компонентного метода наряду с отсутствием альтернативной теории, опирающейся на собственный метод, заставляет признать комбинаторную семантику стратегическим направлением в современной лингвистике. Эмпирическое использование этого метода позволяет решать целый класс задач, типология которых в зависимости от цели исследования, насчитывает, как утверждает Т.С. Зевахина, 41 применение [23. 5].

Настоящий раздел посвящен последовательному анализу поставленных выше вопросов. Однако прежде чем перейти к собственно аналитической части необходимо исследовать источники и предпосылки возникновения компонентной семантики.

§ 2. Источники и предпосылки компонентного метода

История возникновения компонентного анализа обычно связывается с именами У.Гудинафа [97] и Ф.Лаунсбери [121], американских этнолингвистов, опубликовавших в 1956 г. в журнале *Language* результаты своих исследований на материале/ терминов родства разных языков. В этих работах впервые формулируются положения нового метода, послужившие творческой и методологической основой для дальнейших исследований в сфере лексической семантики. Среди работ, оказавших основное влияние на формирование компонентного метода, можно назвать работы А.Уоллиса и Дж.Аткинса [154], У.Вейнрейха [156], Э.Бендикса [76], М.Бирвиша [78].

Новый метод не был, однако, чем-то абсолютно новым. Предпосылки компонентной семантики содержатся, например, в анализе фонем по дифференциальным признакам Н.Трубецкого [151, 86]. Н. Трубецкой анализирует каждую согласную фонему санскритского языка как пучок дифференциальных признаков, включенных в парные оппозиции, например по звонкости : глухости, придыхательности : непридыхательности и т.д. Каждая фонема при этом реализует один из двух вариантов дифференциального признака, например, [bh] — губно-губной + придыхательный + звонкий, [p] - губно-губной + не придыхательный + глухой, [gh] - велярный + придыхательный + звонкий и т.д. С помощью 7 дифференциальных признаков и связующих операторов - и + можно описать всю звуковую систему языка.

Аналогичный метод применяет Р. Якобсон, используя минимальный набор компонентов для списания всей падежной системы латинского языка. Суффикс существительного определяется в терминах компонентов, каждый из которых представляет определенную категорию (падеж, род, число, склонение), например : вин. п. & ж.р. & ед.ч. & 1 скл. = *am (feminam)*, род. п. & ср.р. & мн.ч. & 3 скл. = *um (siderum)* абл.п. & м.р. & ед.ч. & 2 скл. = *o (puero)* [111].

Другое эмпирическое исследование, проведенное до “открытия” компонентного анализа, принадлежит З.Харрису, который анализирует систему спряжения еврейского глагола. Хотя сам Харрис и называет свою работу морфосинтаксическим анализом, однако выделенные им компоненты (время, род, лицо) относятся к плану содержания [103].

Семантические компоненты грамматического значения греческого глагола анализирует Э.Найда, употребляя при этом термин “сема” для

обозначения элемента грамматического значения [129].

От компонентного анализа фонем и грамматических значений существительных и глаголов остается пройти совсем немного до анализа четко структурированных, как в грамматической парадигме, лексических систем, таких как термины родства. Здесь, однако, эмпирика опережает теорию, поскольку независимо от применения компонентного подхода в фонологии и грамматике уже задолго до этого в антропологии проводится сравнение систем родственных отношений в разных культурах. Интерпретация этих отношений в терминах универсальных составляющих вполне конгруэнтна семантическим признакам компонентной теории. Так, еще в 1909 г. А.Кребер исследует термины родства в различных языках, выделяя 8 квантов информации, комбинации которых образуют значения соответствующих терминов и которые могут использоваться для структурного описания поля родства любого языка: поколение, возраст внутри поколения, тип родства (кровное : по браку), степень родства (прямое : не прямое), пол, родственник, дальний родственник, состояние родственника (живой : покойник) [115, 77 и сл.].

Ближкий к этому подход можно найти в еще более раннем труде К.Хейзе [105], написанном за 100 лет до работ Гудинафа и Лаунсбери. В этом труде Хейзе исследует группу слов, обозначающих звуки, на основе семантических признаков значений, представленных в бинарных оппозициях типа “направленный : ненаправленный”, “однородный : неоднородный” (звук) и т.д.

Таким образом, американская этнолингвистика не единственный “источник и составная часть” компонентной теории. В развитии ее большую роль сыграли Европейские лингвистические школы, в частности швейцарская (дифференциальные элементы Ф. де Соссюра), пражская (дифференциальные признаки Н. Трубецкого) и копенгагенская (фигуры содержания Л.Ельмслева). Следует, однако, согласиться с В.А.Звегинцевым в утверждении, что “именно в американской лингвистике компонентный анализ получил свое окончательное методологическое завершение и - что особенно важно - свое оригинальное применение и теоретическое истолкование” [22,7].

В философском плане начало компонентного анализа восходит к построению универсальных языков. Уже отмечалось большое влияние на современную комбинаторную семантику, оказанное опытами Уилкинса, Дальгарно и Лейбница. Рассматривая наследие этого опыта, К.Алэн отмечает, что перевод слова на философский язык через компоненты, связывающие это слово с другими словами, представляет собой компонентный анализ, и если учесть колоссальный объем работы по переводу всего лексикона на этот язык, то, действительно, со времен Уилкинса никто не сделал ничего столь же всеобъемлющего [74,171].

В более широком плане компонентная семантика есть реализация когнитивного метода разложения объекта восприятия на составляющие с последующим сравнением составляющих однопорядковых объектов. Такой метод близок к типологическому методу, применяемому в различных науках, и более общему принципу дискретности, характеризующему способ человеческого познания вообще. Устройство человеческого ума таково, что изучение объекта легче начинать с предположения о том, что некоторые его компоненты дискретны, т.е. элементарны, отдельны [37,176]. Человеческое мышление имеет парадоксальную природу. С одной стороны, проявляется стремление к всеобщему упорядочению, разложению и систематизации, т.е. “идеологическая борьба” с энтропией Ойкумены, с другой стороны, с углублением и расширением опыта появляется понимание того, что мир сложнее в своих проявлениях, чем любое, самое полное его описание; тем не менее такое понимание не заменяет компонентно-классификаторский подход к миру, а сосуществует с этим подходом в одной и той же человеческой голове. Поэтому взаимодействие компонентной теории и теории прототипов, на первый взгляд диаметрально противоположных, не только желательно, но и так же естественно, как взаимодействие теории и практики, как сама диалектика. В известной мере можно считать, что когнитивная семантика, в рамках которой развивается теория прототипов, подтверждает компонентное строение значения слова. Существование прототипа допускает два критерия употребления наименования категории - одно для прототипического случая, а другое для пограничного, в силу размытости границ категории [79,116]. Компонентная семантика может рассматриваться как теория структуры семантической единицы в его отношении к прототипическому денотату и прототипической денотативной ситуации, т.е. теория, описывающая стереотипные условия употребления единиц, образующих наименования взаимосвязанных категорий.

Эксперименты с информантами, проводимые в рамках прототипической теории, вопреки мнению экспериментаторов, в целом подтверждают психологическую реальность компонентной теории.

Э.Рош описывает психологический эксперимент (прайминг) с информантами, перед которыми ставится задача соотнести предлагаемые слова с именем заранее заданной категории (“bird”). Задача эксперимента видится

в проверке компонентной теории, исходя из скорости принятия решения информантом: если правильна теория прототипов, то примарное слово *bird* ускорит категоризацию “лучших” представителей птиц, если же правильна компонентная теория, то, по мнению Рош, должна наблюдаться одинаково-быстрая скорость принятия решения во всех случаях. Как признает экспериментатор, результаты прайминга подтверждают теорию прототипов лишь частично [142].

Другие эксперименты, проведенные с детьми, показывают психологическую реальность компонентной структуры семемы. Дети усваивают семему не целиком, а частями, т.е. сему за семой. Например, слово *tall* “высокий” для детей первоначально означает что-то большое и уже в дальнейшем дополняется семами “по протяженности” и “по вертикали”, а его антоним *short* запоминается позже и хуже, так как содержит компонент “отсутствие протяженности”, имеющий отрицательную маркированность [93, 290].

§ 3. Что представляет собой основная единица комбинаторной семантики

Основная единица исследования в комбинаторной семантике, т.е. квант информации, конституирующий значение слова и связывающий его со значениями других слов, называется разными исследователями по-разному: “семантический признак” (Ф.Лаунсбери), “сема” (А.Ж.Греймас), “аллосема” (У.Гудинаф), “семантический маркер” (Дж.Кац - Дж.Фодор), “семантический компонент” (Дж. Лич), “семантический множитель” (Ю.Д. Апресян, Ю.Н. Караулов) и т.д.

Наиболее удобным термином представляется “сема” - как наиболее лаконичный, лишенный образности и формально конгруэнтный с термином “семема”.

Во всех определениях семы подчеркивается ее элементарный характер по отношению к семеме, однако проблема статуса семы в языке в целом до сих пор остается нерешенной.

Компонентное определение значения слова *bachelor*, традиционного примера в работах по компонентной семантике, как комбинация сем “человек”, “взрослый”, “мужского пола”, “никогда не состоявший в браке” вызывает два вопроса: 1) каково отношение между словом *человек* и компонентом “человек” в значении слова *bachelor*? 2) является ли компонент “человек” свойством значения слова *bachelor* или приписывается ему исследователем, иными словами, является ли сема единицей языкового содержания или единицей метаязыка?

Ответ на первый вопрос кажется достаточно легким. Сема, которая по своему положению определяется как односторонняя содержательная единица, не может совпадать со словом, т.е. единицей, имеющей как план содержания, так и план выражения. Соотношение между семой “человек” и словом *человек* аналогично соотношению между означаемым и означающим, поскольку означающее служит именем означаемого, а слово может служить именем содержательного элемента значения другого слова.

Второй вопрос, касающийся языкового или метаязыкового статуса семы и связанный с первым вопросом, более трудный и отчасти праздный. В принципе это вопрос того же уровня сложности, что и проблема языкового значения. В “чистом” виде семы отсутствуют в языке; их существование может признаваться истинным, только исходя из анализа структурных оппозиций языковых единиц и психолингвистических экспериментов, так же как в физике признается существование электронов, исходя из феноменологии электрической силы и независимо от их онтологии. “Неразумно, - пишет Дж. Кац, - настаивать с самого начала на объяснении онтологии отношений между понятием и пропозицией в качестве предварительного условия объяснения семантических свойств и отношений, представленных в теории семантических маркеров” [113, 39].

Положение о системных связях между словами не зависит от проблемы объяснения этих отношений [114,18]. Поэтому главная задача комбинаторной семантики есть задача методическая, а не теоретическая, и поэтому, несмотря на свою неопределенность, компонентный анализ признается пригодным для описания большей части словаря [80,117]. Таким образом, эксплицитное представление семантических отношений в лексиконе важнее философско-теоретического истолкования такого представления. Вместе с тем в качестве семантической теории комбинаторная семантика все же должна ставить этот вопрос.

В определении семы разные исследователи подчеркивают либо языковое, либо метаязыковое начало. Так, М.Д. Степанова определяет сему как “единицу элементарного смысла, не поддающуюся дальнейшему членению” [59,139], или как минимальную часть информации языковой единицы [59,141], Г.Хельбиг - как “элементарный компонент значения, реализуемый внутри лексемы или семемы” [104,41], В.Г.Гак - как “отражение в сознании носителей языка различных черт, объективно присущих денотату, либо приписываемых ему данной языковой средой, и, следовательно, являющихся объективными по

отношению к каждому говорящему” [15,95]. В этих определениях сема представляется единицей языкового содержания. Другие лингвисты определяют семы как метаязыковые единицы, “законные единицы семантического описания” (Вейнрейх) [157,76] или “теоретические величины, вводимые для описания семантических отношений между лексическими единицами данного языка” (Бирвиш) [5, 180].

Вероятно, сема должна признаваться в качестве единицы языкового, точнее, внутриязыкового содержания, представляющего мир человеческой когниции, т.е. внеязыкового содержания. Сема есть терминал, которым языковое значение сообщается с определенной когнитивной моделью, т.е. языковой вход для части внеязыкового содержания. “Языковое содержание, - пишет Л.М.Васильев, - это весьма специфическое содержание, ибо оно имеет семиотический статус, указывая на какое-то другое, связанное с ним содержание” [13,41]. Таким образом, с помощью сем языковые значения, по выражению Васильева, “очерчивают самые общие контуры классов реалий”, активируясь в процессе речевой деятельности, т.е. указывая с помощью речевых смыслов на внеязыковые знания говорящих. При этом сема не только функционирует как семантический код для внеязыковой информации, но и организует каждое значение в языковой системе, соотнося его с определенной парадигмой, синтагмой, словообразовательным гнездом, семантическим полем и т.д., т.е. определяет семантическую значимость семемы [13,41]. Исходя из этого значение лексемы может определяться как множественная функция его компонентов, определяемая их системной значимостью и способом *m*: соединения в единое целое [119, 80].

Содержательный компонент семемы может представлять собой собственно сему (семантической признак, гиперсему) или конкретизатор семы (семантический компонент, гипосему). Как указывает А.М. Кузнецов, сема - это “инвариантная величина, для существования которой в языке необходимы по крайней мере два слова, отражающие данное свойство по-разному”, в то время как семантический компонент есть переменная величина, принадлежащая к менее высокому уровню абстракции [30,15]. Такая инвариантная величина служит для выделения “ключевых слов” данного языка [58, 164-165]. Например, в английском языке семемы слов *street* и *road*, объединенные в семантическое поле “дорога”[^], различаются семантическими компонентами “в населенном пункте” (*street*) и “между населенными пунктами” (*road*). Таким образом, сема представлена парой компонентов с положительными значениями, поскольку каждый компонент маркируется наименованием. Однако сема может строиться на противопоставлении компонентов, из которых лишь один маркируется, находясь в оппозиции к самой семе, например: *siding* “боковая линия железной дороги” — “главная линия железной дороги” = *railway* “железная дорога”. Таким образом, вопреки утверждению А.М. Кузнецова существование семы не обязательно должно обеспечиваться двумя словами, отражающими данное свойство; поскольку противоположная сторона этого свойства часто нейтрализуется в языке употреблением слова более широкого значения.

В метаязыковой функции выступает не сама сема, а единица, которая ее представляет, т.е. нозма [139, 52]. Нозмы образуют лексикализованные выражения, служащие для экономного и строгого описания семантических отношений в словаре. Такие семантические отношения как гипонимия, совместимость, несовместимость и синонимия легко описываются в терминах комбинаторной семантики. Например, гипонимия описывается формулой “А есть гипоним В, если все семы В входят в семную структуру А”; несовместимость определяется формулой “Если А, В, С... имеют набор общих сем, различаясь хотя бы одной контрастной семой, то они несовместимы”; синонимия же определяется либо полным тождеством семных структур, либо различием в одном компоненте [157,77] (при наличии минимум одной общей формулы дистрибуции [14, 36]). Различие между семами и нозмами в описании этих типов семантических отношений можно показать на примере описания родственных отношений. Например, общие признаки, выраженные пятью нозмами, описывают значения следующих слов в татарском языке, находящихся в отношении гипонимии к общему наименованию *бертуган* “прямой кровный родственник поколения “эго”: *абый* = “бертуган” + “старший возраст” + “мужской пол”; *ана* = “бертуган” + “старший возраст” + “женский пол”; *эне* = “бертуган” + “младший возраст” + “мужской пол”; *сенел* = “бертуган” + “младший возраст” + “женский пол”. Между собой эти слова соотносятся как несовместимые термины, различаясь в каждой паре по крайней мере одной семой: *абый* - *ана* (“пол”), *абый* - *эне* (“возраст”), *ана* - *эне* (“пол”, “возраст”) и т.д. Таким образом, каждая из нозм, т.е. слово или словосочетание в метаязыковой функции указывает на определенное значение [145,1251].

Вопреки мнению Ф.Палмера такое компонентное представление значения эксплицирует, а не затуманивает семантические различия между лексическими единицами [133,59]. Проблема заключается лишь в выборе нозм и в степени допустимой формализации метаязыкового синтаксиса. В вышеприведенных примерах нозма “бертуган” соответствует слову, в то время как другие поэмы выражаются словосочетаниями. Принципиального значения для метаязыка это не имеет, равно как и то обстоятельство, что одна нозма выражается словом одного языка, а другие нозмы - словами другого языка, если и только если

значение каждой единицы однозначно определено. Заменяя сложные нозмы одного языка простыми поэмами другого, можно получить более экономную запись, например: *абый* = “бертуган” + “elder” + “male”, *ана* = “бертуган” + “elder” + “female”, *эне* “бертуган” + “younger” + “male”, *сенел* = “бертуган” + “younger” + “female”. Создание экономного метаязыкового лексикона, позволяющего описывать семантические модели разных языков, составляет важнейшую перспективную задачу компонентной семантики, и эта задача становится реальной в связи с созданием общего лексикона для машинного перевода [128].

Метаязык структурной лингвистики использует правила сокращенной репрезентации сем (redundancy rules) или правил вывода (inference rules), которые позволяют представить целую цепочку сем, свернутых в одну единицу. Такое семантическое свертывание отражает иерархическое строение категорий, находящихся в отношениях взаимного включения. Например, выражение, описывающее значение слова *жена* (“в браке” + “женский пол”), заменяет более длинную запись, которая представляет глубинный компонентный комплекс или полный алфавит сем данного значения: “в браке” + “взрослый” + “женский пол” + “человек” + “живое существо”. Эта замена осуществляется благодаря использованию правил сокращения: “человек” → “живое существо”; “взрослый” → “живое существо”; “в браке” → “взрослый”.

По сути дела эти правила соответствуют постулатам значения Р. Карнапа [82,222-229], Постулат значения образует утверждение, например следующего вида: “для каждого существа В, которое называется *bull* “бык”, верно утверждение, что В есть существо взрослое, самец и бычьей породы” [74,171]. Каждое слово имеет свой набор постулатов значения, при этом справедливость постулата зависит от степени выводимости, т.е. аналитичности этого выражения по сравнению с другим выражением. Например, сравнивая два выражения: “холостяк → неженатый” и “холостяк → взрослый”), Дж. Лайонз указывает, что первый постулат кажется более аналитичным, чем второй или такой как “холостяк → мужчина”, поскольку, если предположить, что могут быть узаконены браки между детьми, то “холостяк” не обязательно предполагает признак “мужчина” [119, 93]. Данное замечание свидетельствует в целом о сомнительности попытки представить постулаты значения как объективный (в отличие от структурной семантики) метод репрезентации языкового значения. К Тому же вряд ли отсутствие амбициозной перспективы в достижении полного набора сем для определения значения слова или универсального списка постулатов само по себе должно считаться достоинством метода, как это утверждает К.Биггс [79,117]. Достоинством метода описания семантических отношений в лексике, наряду с эксплицитностью и экономностью используемых для описания средств, следует считать надежность метаязыка, который позволяет избежать порочного круга. Для этого надо выйти за пределы языкового плана и обратиться к понятию истинности; устанавливающему отношение между языковым выражением и денотатом. Если известны условия, при которых выражение справедливо, т.е. истинно, то известно и значение выражения.

Кроме списка нозм, образующего лексикон метаязыка комбинаторной семантики, метаязык использует также свой синтаксис или грамматику операторов. В компонентной семантике следует отказаться от бинарного принципа операторов, заимствованного из грамматики Н.Хомского (±). Экономность в описании, получаемая в результате применения этого оператора, весьма сомнительна, например, сема “пол” иногда обозначается как “+ мужской”, что позволяет “экономно” разложить этот параметр на дифференциальные компоненты “+ мужской” и “- мужской”. Такая экономия делает двусмысленным определение *женщина* = “-мужской”, в отличие от определения *мужчина* = “+мужской”.

Предполагается использовать следующие операторы: : - оператор оппозиции дифференциальных компонентов одной семы, например, “мужской” : “женский” (“пол”); = оператор тождества при компонентной репрезентации значения слова, например, *бык* = “домашнее животное” + и т.д.; + - оператор соединения сем в компонентный комплекс, например, *бык* = “домашнее животное” + “бычья порода” + “взрослый” + “мужской”. Дополнительными операторами служат графические различители слова и компонентов его содержания: слово выделяется подчеркиванием, курсивом или иным графическим способом; сема или категория закавычиваются.

Признаки, объединяющие объекты категории различаются по степени характерности, поэтому принадлежность к категории определяется в конечном счете наиболее характерными существенными признаками. Семная структура значения (семема) должна учитывать только структурно необходимые и вместе с тем достаточные компоненты, соответствующие характерным признакам категории, т.е. компоненты, “необходимые и достаточные для отграничения (в парадигматическом плане) данного значения от значений всех других единиц языка” [3,76]. Например, семема слова *собака* не включает в себя сему “пол”, хотя и не исключает ее; эта сема, нейтральная во всех семантических

оппозициях этого слова, существует, однако, виртуально, т.е. в знании о данном денотате и может актуализироваться при изменении условий употребления этого слова. Для семемы выражения *дождевой червь* эта же сема нерелевантна, вследствие отсутствия признака пола в соответствующем денотате (дождевые черви размножаются с помощью партеногенеза). Поэтому постулат значения “А → мужского (женского) пола” возможен для семемы “собака” и невозможен для семемы “дождевой червь”. Таким образом, то, что явно в семеме “мужчина” или “женщина” и неявно в семеме “собака”, нерелевантно в семеме “дождевой червь”.

Организуя глубинное внеязыковое содержание в поверхностное языковое содержание, семы, как указывалось выше, не выделяются в речевой практике в виде дискретных речевых смыслов. Поэтому компоненты языкового значения, интуитивно выделяемые говорящими, обычно не имеют полного соответствия с семами комбинаторной семантики. Например, в семеме слова *отец* чисто интуитивно можно выделить признаки “родитель” и “пол”, в то время как компонентный анализ этой семемы и его репрезентация с помощью нозм и операторов, вызывает подозрение в нереальности некоторых сем, устанавливаемых оппозитивным способом: *отец* (X,Y) → X есть для Y : “родственник” + “первое поколение родства” + “мужской пол” + “прямое родство” + “кровное родство”. Вычленимая часть семемы “отец” (“родитель”) образуется слиянием нескольких сем и представляет собой, таким образом, семантический множитель. Даже в случае оппозиции семем по одной семе эта сема может быть результатом сложного обобщения и абстрагирования [77, 3]. Следовательно, компонентный анализ, устанавливающий значимость каждого элемента значения в лексико-семантической системе, отличается от интуитивного (словарного) толкования этого значения так же, как научная таксономия отличается от народной.

В реальной коммуникации нет необходимости семантизировать название каждого объекта в терминах семантических компонентов. Этой цели вполне отвечает так называемая народная дефиниция [154,74], которая, будучи спонтанным определением, может сопровождаться остенсивным указанием: “См.отри! Это лошадь. Она ржет”. Главный источник народной дефиниции - наиболее выделяемые, т.е. характерные признаки объекта, например признаки домашних животных в дефинициях Л.Ногла: “лошадь” = “четырёхногое животное” + “ржет”, “осел” = “четырёхногое животное” + “ревет”, “корова” = “четырёхногое животное” + “мычит” и т. д. [130,33]. Другим источником служит контекст, а также - в меньшей степени - значимостная характеристика слова по связям его значения в семантическом поле, например, значение слова *дядя* может определяться как “муж тети” или “брат отца или матери”.

Недостатком народных дефиниций наряду с субъективизмом можно считать смешение внутрисистемной информации, т.е. информации, образуемой внутренней формой языкового содержания, и внесистемной, внеязыковой информации. Представляется очевидным, что описание семантических единиц, обладающих системными значимостями, должно осуществляться только на основе изучения этих значимостей, т.е. с помощью дифференциальных семантических признаков, выводимых из оппозиций лексических единиц языка. Такое описание упрощает лексическую репрезентацию, ослабляя давление экстралингвистической информации на лексикон [131, 144]

Знание языка, как указывает О.Н.Селиверстова, принадлежит, по крайней мере частично, подсознанию; поэтому характер построения значения также не обязательно должен осознаваться говорящими, и, следовательно, об элементах значения можно судить “частично на основании общих представлений о характере мышления и восприятия, а частично - на основании соотношения значений разных языковых единиц” [53,287]. Таким образом, компонентное представление языкового значения, являясь абстракцией в смысле моделирования системы промежуточных значений, в том числе значений, не осознаваемых говорящими, вовсе не является произволом со стороны исследователя, а отражает онтологию языкового значения. Установление списка дифференциальных признаков, описывающих содержание всего лексикона - теоретически вполне выполнимая задача, учитывая опыт Уилкинса. Составление такого списка предполагает - в качестве предварительного этапа — установление иерархических отношений сем в соответствии с представлением человека об организации объективного мира элементов и со значимостью каждого элемента относительно других элементов, а также - в качестве последующего этапа - установление списка нозм для кодирования выделенных сем. Вполне естественно, что список сем будет содержать не только предельные в содержательном отношении семы, вопреки утверждению Ж.П. Соколовской [55, 23], но и интуитивно-понятные, хотя и непредельные семантические множители, а также семы, устанавливаемые значимостными отношениями семем в парадигме.

§ 4. Сема и семантическое поле

Как показывают народные дефиниции, уже на интуитивном уровне обнаруживается связь между компонентной структурой значения и семантическим полем, в котором это значение реализуется. Например, в вышеприведенных дефинициях домашних животных Л.Ногла указание на имя

поля находится в самой дефиниции. Аналогия между структурой семантического поля и компонентной структурой семемы подчеркивается термином О.Духачека “семное поле”, употребляемым для обозначения взаимоотношений сем в семеме [89,246].

К подобной аналогии, однако, следует относиться с осторожностью, поскольку здесь имеется столько же отличия, сколько и сходства. Сходство проявляется главным образом в репрезентативной функции сем и семем: интегральная сема представляет семеме подобно тому, как единицы семантического поля представляют объединяющую их семантическую категорию, т.е. идентификатор поля. Однако если в первом случае более примитивная содержательная субстанция (сема) репрезентирует более сложную субстанцию (семеме), то в семантическом поле, наоборот; более примитивная субстанция (идентифицирующая сема) репрезентируется более сложными по структуре семема-ми. Кроме того дифференциальные семы в семеме не противопоставляются в структурных оппозициях по типу оппозиций в поле, т.е. не обладают значимостными характеристиками его единиц, включающими парадигматические, синтагматические, деривационные, темпоральные, стиливые, частеречные и статистические значимости [12,71]. Наконец, семы, понимаемые как значения, не имеют четкой, постоянной формы выражения [48,144], в отличие от семем, обязательно представленных в плане выражения лексемами (словами и словосочетаниями устойчивого характера).

Вместе с тем в основе семантического поля и компонентного представления значения лежит единая теоретическая пресуппозиция о структурной организации лексикона, семантические единицы которого (семы, семантические множители и семемы) взаимосвязаны и взаимообусловлены. “Естественным состоянием признаковых существностей, - пишет А.М.Кузнецов, - модусом их существования, является слитное, компонентно-синтетическое состояние. Только для того, чтобы понять и осознать некоторую вещь, мы прибегаем к искусственному методическому (аналитическому) приему вычленения и осмысления ее отдельных сторон, разрушая тем самым их реальное единство” [31, 81]. Поэтому естественное состояние для семем - это представление в виде семантических множителей и сем, так же как естественной формой существования семем является реализация их в речевые или актуальные смыслы. Речевая актуализация семемы (компетенции) как определенной “семантической формы” осуществляется через различные процессы актуализации сем, такие как конкретизация семы, поддержание семы, категоризация значения, наведение семы и т. д. [61,88-118]. Таким образом, взаимодействие единиц семантической структуры языка проявляется в том, что значения низшего уровня абстракции объединяют семемы в семантическое поле, а семы с наиболее обобщенным значением сигнализируют о межполевых связях [31, 14].

Необходимость единой пресуппозиции для компонентной семантики и полевого подхода объясняется тем, что “в идеальном случае определение значения строится на базе установления родового класса (т.е. указания на соответствующее семантическое поле) в сочетании с перечислением различительных компонентов значения” [46,64]. Такой способ определения семантики языковой единицы через указание на родовой класс отражается в большинстве толковых словарей и наиболее наглядно воплощается в идеографических словарях, таких как “Тезаурус П.Роже”.

Интеграция компонентного и полевого подходов в лингвистической семантике необходимо приводит к уточнению основных исходных идей каждого направления, причем в наибольшей мере от этой интеграции выигрывает, как полагает А.М. Кузнецов, полевой подход. Так, использование компонентного подхода помогло установить, что семантические поля не разделены жесткими преградами и обнаруживают сферы притяжения и отталкивания, обусловленные наличием общих и дифференциальных признаков; в семантических полях выделяются центральные и периферийные сферы, при этом центр) более консолидирован, репрезентируя весь семантический комплекс; наоборот, в периферийных областях смысловые связи более ослаблены, образуя зоны семантического возмущения, элементы которых сигнализируют о связях с другими семантическими полями [31, 16].

Идея семантического поля имплицитно присутствует даже в компонентной теории Дж. Каца, теоретически чуждающегося этого “европейского продукта”, что видно, например, из следующей цитаты: “Семантический маркер “активность” различает *chase* в требуемом значении (intended sense) от статических глаголов типа *sleep, wait, suffer, believe* и т.д. и процессуальных глаголов типа *grow, freeze, dress, dry* и т.д. и объединяет его с другими глаголами действия типа *eat, speak, walk, remember* и т.д. “Активность” характеризуется *no* своему типу маркером “физическая”. Это означает, что *chasing* - это физическая активность и *chase* отличается от глаголов *think* и *remember*, которые определяются в качестве глаголов мыслительной деятельности” [113, 168].

Следовательно, организация единиц семантического поля может служить основой выделения семантических компонентов. Существует, вероятно, процедура перехода из одного анализа к другой. Большинство семантических отношений внутри семантического поля, как уже указывалось выше, выводятся

из компонентного анализа и определяются им. Обратный переход осуществляется, например, при сравнении уровней таксономии, т.е. ветвей семантического дерева. В качестве примера выведения сем с помощью метода поля А.Лерер приводит семантическое поле “кухонных глаголов” в английском языке с трехуровневой структурой [118, 69] (см. следующую схему).

Схема №5

cook				
boil		fry		broil
simmer	deep fry	sautй	grill	barbecue

Значение каждой из лексем второго уровня характеризуется семей “cook”, а значение каждой лексемы третьего уровня определяется также значением одной из лексем или пересечением значений двух лексем второго уровня. Таким образом, значение слова более высокого уровня контраста составляет элемент значения слова нижнего уровня. В связи с этим Дж. Лайонз справедливо определяет комбинаторную семантику как вдвойне структуралистский метод, определяющий языковое значение одновременно 1) в терминах межлексических структур (семантических полей), единицы которых представляют собой взаимосвязанные семемы, и 2) в терминах внутрилексических, молекулярных структур, единицы которых представляют собой элементы семем [120, 107]. Такое двойное структурирование реализует интеграцию полевой теории с теорией компонентной семантики.

§ 5. Примитивность или аналитичность?

Ч.Филмор характеризует значение слова как набор сем, одни из которых определяют лишь данное слово, а другие - целые классы слов; при этом эти другие могут отличаться сложным строением, необходимым для описания сложных ситуаций [91, 372]. Поэтому широко распространенное определение компонентного метода как процедуры расщепления значения на элементы? кые смыслы “не совсем точно характеризует сущность данной процедуры на современном этапе” [53, 296].

Дискуссия по поводу того, должна ли сема считаться “предельной семантической единицей” или может иметь сложное строение, как пишет Филмор, объясняется зачастую неразличением семы и нозмы. Сема принципиально неатомарна, поэтому “семантическая примитивность в понимании А.Вежбицкой и Ж.Соколовской не относится к числу ее свойств. Атомарной может считаться лишь ее метаязыковой репрезентант - нозма. Нозма служит лишь техническим приемом, имеющим не иконическую, а символическую значимость, и поэтому ее разложение так же бессмысленно, как попытка разложить денежную купюру на эквиваленту по ее достоинству сумм;/ более мелких единиц путем ее разрыва на соответствующее число кусочков. Поэтому, например, нозма “животное” в описании значения слова *собака* так же атомарна, как нозма “собака” в описании значения слова *пудель*, однако нозма, обозначаемая атомарной нозмой, может представлять собой семантический множитель, например множитель “собака” в семеме “пудель” = “животное” + “млекопитающее” + “семейство псовых” и т.д.

Атомарность нозмы не зависит от того, соответствует ли нозма слову или словосочетанию естественного языка. Например, оппозиция значений, обозначающих реку во французском языке (*riviere* - *fleuve*), основывается на признаке “характер” устья: *riviere* обозначает реку, впадающую в другую реку, а *fleuve* - реку, впадающую в море. Отсутствие дискретного выражения в качестве соответствующей нозмы вовсе не делает нозму менее атомарной.

Что касается представляемых нозмами сем, то их список должен определяться на первом этапе эмпирического исследования [145,1251]. В конкретном эмпирическом исследовании степень декомпозиции сем определяется необходимым уровнем оппозиций, в которых состоят единицы семантического поля. “Умножение сущностей сверх необходимого” потребовало бы соотнесения результатов семантической атомизации в конкретном семантическом поле со всей иерархией сем в данном языке, что практически пока неосуществимо, и подорвало бы сам принцип экономного описанTM, который характеризует компонентный метод. Поэтому, например, при компонентном анализе терминов родства нецелесообразно декомпонировать семантический множитель “родитель” на его концептуальные составляющие (“человек”, “каузировать”, “рождение”), каждое из которых может при необходимости быть разложено на еще более “мелкие?” составляющие.

Сема может соответствовать семантическому примитиву, т.е. фундаментальной категории, подобной примитивам А. Вежбицкой, таким как “из-за”, “после”, “я” и т.д., не выводимым по определению из других категорий. Однако характерным свойством семы является не примитивность, а, наоборот, аналитичность, определяющая ее значимость по отношению к другим семам. Поэтому следует воздерживаться от таких определений как “минимальная единица плана содержания”, “примитив” или “монема”. Субстанционально

сема - это семантическая категория (значение), представляющая вместе с другими семами значение языковой единицы и раскрываемая с помощью скрытой грамматики, а операционально - это маркер, описывающий значимые отношения между языковыми значениями.

Аналитичность семы отражает иерархическую взаимовыводимость и пересекаемость категорий. Например, категория “кошачий”, образуя идентифицирующую сему в значения слова *кошка*, включается в категорию “животное” в качестве представителя, поэтому все, что может называться кошкой, может называться животным, следовательно, сема “кошачий” в семеме соответствующего слова в свернутом виде содержит и сему “животное”. Семы отражают свойства прототипических денотатов, поэтому семная иерархия, соответствующая иерархии в денотативной сфере, имеет такую же структуру, как идеографический словарь (тезаурус) [74,170].

§ 6. Универсальность или языковая специфичность?

Постоянство компонентной семантики не ограничивается методом экономной репрезентации семантических отношений в лексиконе, но проявляется прежде всего в возможности идентифицировать семы как концептуальные универсалии, характеризующие самые разные языки. Универсальность сем обуславливается самой природой значения, его моделью и порождающими источниками, едиными для всех языков и всех единиц языка [67, 109].

Можно различать три версии компонентной теории в зависимости от отношения к проблеме универсалий - сильную, слабую и умеренную.

Сильная или универсалистская позиция, восходящая к концепции Н. Хомского, постулирует существование общего репертуара сем. Такой репертуар представляет собой либо весьма малый набор, подобный списку семантических примитивов А. Вежбицкой, либо большой набор, представленный в виде определенного числа поднаборов, каждый из которых характеризует хотя бы один язык. Эта позиция не учитывает, однако, феномена языковой относительности, связанного с различием и глубиной опыта в разных языковых культурах и проявляющегося главным образом в лексике. Если и существуют универсалии опыта, замечает Ф. Растье, они не являются языковыми единицами [139, 26].

Слабая или уникалистская позиция опирается на антропологические исследования, устанавливающие, специфические культурные реалии, отраженные главным образом в экзотических языках, а также данные статистической типологии. Со статистической точки зрения весьма вероятно, что стопроцентных универсалий не существует. “Соблазнительно было бы, - пишет Дж.Лич, - назвать такие семы как «пол» и «родитель» универсальными, однако существующие антропологические данные свидетельствуют только о “почти-универсальности” этих сем” [117,259]. Даже отождествляя почти-универсальность с универсальностью, как принимается в настоящем исследовании, все же приходится признать существование сем, характеризующих только один язык и даже одну оппозицию языковых единиц, таких как *riviere* “река, впадающая в другую реку” - *fleuve* “река, впадающая в море” [147, 246-247].

Умеренная позиция, которой отдается предпочтение в настоящей работе, исходит из допущения о существовании двух классов сем - универсальных, общих для всех языков, и идиоэтнических, характеризующих индивидуальные языки. Собственные культурные предрассудки и собственная таксономическая классификация физического мира не должны считаться априорно справедливыми для анализа культуры и языка другого общества [35,505]. Поэтому неправильно было бы считать, что оптимальный набор сем в одном языке будет столь же оптимальным в других языках, однако столь же неправильной будет позиция экстремального культурного релятивизма [118,72].

Универсальные семы соответствуют универсальным семантическим категориям, представляющим внутреннюю форму плана содержания каждого языка и обеспечивающим взаимопереводимость языков. Перевод есть гарантия того, что человечество обладает единой человеческой субстанцией, которая по крайней мере частично совпадает в языках [100,4]. С другой стороны, идиоэтнические семы имеются, очевидно, в каждом языке, организуя содержание специфичных для каждого данного языка категорий.

Дистрибуция сем в разных семантических полях включает как универсальные, так и идиоэтнические семы. Количественное соотношение тех и других постоянно меняется, поскольку “к счастью для человечества, язык - это не ментальная смиренная рубашка” [117,35], а динамическая система значений, каждое из которых “не статично, а существует в виде определенной цепочки промежуточных значений” [41,113]. Поэтому, хотя содержание одного языка в целом покрывается содержанием другого языка, эквивалентные семантические единицы и объединяющие их семантические поля могут иметь разные компонентные комплексы. Одна из задач лексико-семантической типологии и состоит в установлении семного набора и дистрибуции сем в эквивалентных семантических полях.

Набор универсальных сем должен устанавливаться исходя из наборов ядерных сем во всех языках. Такие ядерные семы выделяются из значений

единиц, используемых в толкованиях других, периферийных единиц в толковом словаре, и имеют, следовательно, ядерные позиции в структурах соответствующих семантических полей. Например, в английском языке неядерный глагол *^ta'e* “смотреть пристально” описывается в словаре мере; ядерный глагол *look* “смотреть”, который, хотя и не соотносится с глаголом более обшего значения, связанного со зрением, соотносится с другими ядерными глаголами физического восприятия, такими как *see* “видеть”, *hear* “слышать”, *listen* “слушать” и т.д. Таким образом, число сем, описывающих содержание лексикона, всегда меньше числа составляющих его лексем [86,441]. Если ближайшей задачей компонентной семантики является описание семантических отношений лексических единиц с помощью соответствующего метаязыка, то дальнейшая задача состоит в установлении универсальных сем. Поиск универсалий следует, вероятно, начинать в семантических сферах, отражающих биологические и психологические категории, переходя в дальнейшем к культурным категориям. Интерпретация сем как “компонентов концептуальной системы, входящей в познавательную структуру человеческого ума” [22,8], независимо от внешних различий, естественно вытекает из понятия гомонии - равенства в разуме всех человеческих культур.

§ 7. Компонентная теория и ее две подходы к определению значения слова

Сильная версия компонентной семантики находит наиболее эксплицитное выражение в семантической теории Дж.Каца [26]. Основные положения этой теории можно выразить в следующих пунктах: 1) значение каждого слова можно представить как цепочку семантических маркеров, общих для целых классов слов, и дистриктивов, характеризующих индивидуальные слова; 2) семантические маркеры соответствуют концептам; 3) каждый концепт, выражаемый маркером, есть языковая универсалия, “встроенная” в человеческое мышление как врожденное образование; 4) с помощью проекционных правил значение предложения выводится из его глубинной структуры и значений индивидуальных слов

Семантическая теория Каца, явившаяся логическим завершением структурной семантики, знаменует вместе с тем ее кризис, последовавший за критикой вышеуказанных положений (см., например, работу Д. Болинджера [4]). Несмотря на суровую критику всей компонентной семантики и, возможно, благодаря ей, компонентная теория продолжает развиваться, опираясь на логическую простоту своей главной идеи и подкрепляясь эмпирической эффективностью метода, лежащего в основе этой идеи. Признавая, что до сих пор отсутствует список сем хотя бы одного языка и подозревая в этой связи, что число сем в языке вовсе не ограничено и даже приближается к числу их комбинаций, Ю.Н. Караулов вместе с тем с обезоруживающей простотой добавляет, что “идея кажется слишком привлекательной, чтобы ее можно было просто отбросить” [25,5]. Можно попутно заметить, что вследствие “привлекательности” этой идеи компонентная семантика оказалась способной выдерживать и критику с позиции прототипической семантики.

В результате критики семантической теории Каца, совпадающей по времени с возникновением теории прототипов, большинство ученых сейчас не признает сильной версии компонентной теории, отвергая ее либо в пользу слабой версии, либо в пользу семантики прототипов.

Слабая версия структурной семантики, сформулированная в начале настоящего раздела, преодолевая жесткие императивы Каца и учитывая когнитивную теорию категоризации, стремится к созданию единой теории языкового значения. Компонентная семантика, опирающаяся в когнитивном плане на так называемую классическую модель концептов [146] обычно объявляется конкurentом прототипической семантики [102, 6 87].

Главная линия размежевания между этими подходами состоит в следующем. Классическая (аристотелевская) модель исходит из существования определенного набора “определяющих признаков”, необходимых и достаточных для включения объекта в категорию, т.е. для определения значения соответствующего слова. Таким образом, объект считается представителем категории только при наличии всех определяющих признаков. Прототипическая модель отвергает этот принцип как излишне жесткий и выдвигает принцип размытости границ не только между разными категориями, но и между явными объектами категории и пограничными случаями, т.е. ее периферией [137, 216].

Определяя значение слова, Х.Патнэм исходит из категории нормальности: “Можно было бы считать, что лимон - это нечто со свойствами “желтый цвет”, “терпкий вкус”, “кожура определенного вида”. Однако зеленый лимон - это тоже лимон, даже если он никогда не пожелтеет... только нормальные лимоны желты” [137, 140]. Продолжая проверять критериальность отнесения объекта к категории “лимон”, можно предположить, что сладкий плод, имеющий форму лимона, или плод, имеющий другую форму, например форму ананаса, но с терпким лимонным вкусом и ароматом, уже не будут относиться к данной категории, поскольку соответствующие признаки более критериально весомы по сравнению с признаком вкуса.

Рассматривая значения слов, обозначающих сосуды для питья, А.Вежбицкая выделяет два вида семантических компонентов: “Без некоторых

компонентов можно легко обойтись, поскольку они относятся к признакам, отсутствие которых не мешает говорящему идентифицировать объект в качестве чашки или кружки; другие компоненты относятся к признакам, которые столь существенны, что их отсутствие препятствует идентификации объекта, например китайская чашка, маленькая, тонкая, изящная, без ручки и блюдца должна считаться чашкой (cup), постольку поскольку из нее можно пить горячий чай, держа ее одной рукой и поднося ко рту. Это означает, что, хотя блюдце и ручка определенно входят в состав прототипа чашки ("идеальная" чашка должна иметь ручку и блюдце), они не входят в состав существенной части концепта. С другой стороны, компоненты "для питья горячих напитков" и "достаточно малого размера, чтобы подносить одной рукой ко рту" должны включаться в него [160,59]. Разумеется, "идеальная" чашка, т.е. ее прототип есть культурно обусловленный объект. Поэтому если с точки зрения европейской культуры типичное условие для прототипа состоит в наличии блюдца и ручки, то с точки зрения иной культурной модели, например, китайской или башкирской, типично, наоборот, отсутствие этих признаков и актуализация других признаков; например, башкирская пиала имеет вид усеченного конуса без ручки и блюдца, что не мешает ей быть представителем соответствующей категории и даже доминировать в ней как прототип в соответствующей когнитивной модели мира. Здесь важно иметь в виду, что каков бы ни был прототип, типичность признаков объекта или его нормальность, по выражению Х. Патнэма, может не совпадать с набором необходимых и достаточных признаков, конституирующих понятие.

Р. Джакендофф выделяет три вида условий употребления слова: необходимые, центральные и типичные [109, 121], которые можно рассматривать как типы сем, имеющие разный статус в семеме. Необходимые условия соответствуют идентифицирующей семе и определяют ее категориальную 'значимость'. Например, для определения значения слова *пудель* категория "собака" более значима, чем категория "животное". Центральное условие соответствует дифференциальной семе и определяет ее градуированную значимость в зависимости от близости к центру (фокусу) категории. Например, при определении значения слов, обозначающих сосуды для питья, в работе У. Лабова [34] сема, соответствующая соотношению высоты и ширины чашки, меняет свою значимость при удалении от фокуса, т.е. идеальной чашки, где эта зависимость составляет пропорцию 1:1; так, если высота чашки значительно превышает размер в поперечнике, то при категоризации такого сосуда в качестве чашки информант испытывает затруднение. Типичное условие не является структурным компонентом значения, обозначая лишь наиболее характерные, типичные, хотя и не обязательные (в отличие от центральных) признаки денотата.

Таким образом, существует, видимо, два критерия определения категориальной принадлежности объекта, т.е., соответственно, два критерия определения значения. С одной стороны, это норма, т.е. наиболее типичные (прототипические) условия, с другой стороны, существенные признаки употребления слова.

В реальной коммуникации говорящий достаточно быстро принимает решение относительно отнесения объекта к определенной категории, хотя, по выражению А. Вежбицкой, "не все является чем-то", т.е. не каждая вещь может быть вообще отнесена к определенной лексической категории [160, 38]. Когнитивная семантика объясняет такой выбор прототипическим эффектом, т.е. наличием типических условий употребления или семейными сходствами. Однако определение степени близости к прототипу каждой из возможных категорий-кандидатов, очевидно, должно требовать слишком долгий аналитической работы ума, не совместимой с требованиями и коммуникативного момента. Вероятно, значение определяется исходя из наиболее существенных свойств денотата, которые могут сопровождаться наиболее типичными условиями его проявления. Существенные свойства денотата образуют "диагностические компоненты" [46,65], т.е. необходимые и достаточные признаки, определяющие языковое значение, т.е. ту форму, в которую облекается внешнее содержание языка. Язык, как подчеркивает Л.М. Васильев, есть прежде всего форма, а не субстанция [13,41], и условием сохранения формы является определенность, т.е. измеримость составляющих ее элементов. Компонентная теория исходит именно из понятия измеримости языкового значения как формы существования внешнего содержания языка, неизмеримого по своей сути.

Противопоставление классической и прототипической моделей, о котором говорит Дж. Хэмптон, вовсе не столь драматично, как это кажется на первый взгляд, вследствие отсутствия внутреннего антагонизма. Часто противопоставление этих подходов лишь декларируется. Например, Ч. Филмор утверждает, что языковое значение представлено прототипом или парадигмой, сопровождаемой анализом примеров, более или менее близких соседей прототипа, привлекая в качестве материала анализа категорию "climb" "подниматься" [92]. Однако внимательное изучение "условий", характеризующих эту категорию (clambering и ascending), приводит к выводу, что семантика прототипа описывается с помощью семантических компонентов "взбираться вверх" (ascend) и "с использованием рук и ног" (clamber) [155, 1286].

Для определения значений *хотя бы* части лексикона вполне достаточно знания необходимых и достаточных условий употребления соответствующих лексических единиц, тогда как в других случаях требуется знание типичных условий. Поэтому очевидна необходимость выработки некоего инварианта, интегрирующего компонентный и когнитивный подходы к определению языкового значения. “Разделение лингвистического труда” должно способствовать эффективности производства общего продукта, которым является языковое значение, а не разных продуктов, похожих друг на друга так же мало, как космогонии древних на современную теорию космогенезиса.

§ 8. Характер лексического материала и методика выделения сем

При эмпирическом исследовании семантического поля с помощью компонентного метода характер языкового материала имеет важнейшее значение, поскольку единицы, объединенные общим семантическим признаком, обладают различной, большей или меньшей, парадигматической сопоставимостью. Поэтому следует различать два типа лексических объединений: 1) относительно закрытые, четко структурированные, с малым числом составляющих; 2) относительно открытые, менее четко структурированные, “протяженные” по количеству составляющих элементов. Вполне естественно преобладание исследований лексических объединений первого типа. таких как, например, термины родства. Сопоставление этих терминов позволяет выявить существенные семантические признаки, исчерпывающие отношения между соответствующими денотатами и образующие четкую иерархию (о структурных особенностях терминов родства см., например, работу А.И. Моисеева [44]). Большинство же лексических объединений имеет менее жестко организованный характер, что предопределяет трудности эмпирического анализа. Как отмечает Ф. Лаунсбери, к некоторым словарным группам бесполезно подходить с меркой аристотелевских классов, их нельзя подвергнуть прагматической проверке на сходство - различие, поскольку единицы таких групп не содержат четких различий между существенными и случайными признаками [121,194].

Характер лексического материала обуславливает методику применения компонентного метода. Например, А. Уоллис и Дж. Аткинс описывают два вида анализа - ортогональный и неортогональный. Ортогональный анализ применяется для описания лексической группы, в которой каждая единица определяется одним компонентом из всего ряда контрастных компонентов типа “пол” = “мужской” : “женский”, “родство” = “прямое” : “непрямое” и т.д.; при этом в анализе представлены все логически возможные комбинации признаков. При неортогональном анализе используются не все комбинации семантических признаков, поэтому результирующая схема компонентного анализа содержит пустые множества [154,71].

Исследование парадигм в основном ортогонального типа, особенно в начальный период развития комбинаторной семантики, дает основание некоторым критикам говорить об ограниченности компонентного метода. Данное обвинение, однако, несправедливо, поскольку компонентный анализ может проводиться на широком лексическом материале [52], который охватывает по сути дела большую часть лексикона. Широкий диапазон эмпирических исследований, в том числе открытых семантических полей неортогонального типа доказывает если не универсальность, то полную пригодность метода для описания всех слоев лексики.

Скепсис в отношении плодотворности компонентного анализа порождается в основном трудностью объективизации результатов анализа из-за закрытого характера большинства сем [122, 78], а также в связи с множественностью описаний одной и той же лексической парадигмы, допускаемой компонентной семантикой [81, 21].

Результаты компонентного анализа ортогональных и неортогональных семантических полей, разумеется, имеют отличия. Если в первом случае исследователь выделяет сему, по которой все множество единиц разбивается на два подмножества, каждое из которых затем может дробиться на более мелкие подмножества, образуемые другими семами, и т.д. вплоть до выделения семы, идентифицируемой в одном-двух словах, то во втором случае анализ часто приводит к пустым подмножествам. Однако получение пустых подмножеств вполне естественно и допустимо, так как это отражает онтологию самого языка, не имеющего характера жестко организованной структуры [154, 62-63].

Компонентный анализ будет тем успешнее, чем больше системных парадигматических связей обнаруживается в том или ином семантическом поле. Наличие таких связей иногда обуславливается определенными лексико-грамматическими свойствами лексических единиц, например, тематическая или “конкретная” лексика, состоящая из большого числа существительных с преимущественно денотативными значениями, в отличие от собственно “языковой” лексики, с преимущественно сигнификативными значениями, считается малоприспособленной для системного описания. Однако конкретная лексика, как вся лексика вообще, неоднородна по своему составу, и в ней,

вслед за Д.Н.Шмелевым можно выделить два типа единиц. К первому типу Д.Н.Шмелев относит, например, наименования водоемов, сопоставимые и взаимно противопоставимые парадигматически: *озеро -река* (“форма”), *ручей -река* (“размер”), *канал -река*, (“происхождение”) и т.д. Ко второму типу относится конкретная лексика, состоящая из слов-денотативов, значения которых “перенасыщены” индивидуальными, несопоставимыми признаками [70,17]. Например, дифференциальные признаки значений слов, обозначающих породы деревьев, реализуются одновременно и не нейтрализуются в оппозициях; поэтому дифференциальная часть значения каждого такого слова представляется целостным образом [53,298]. Здесь, таким образом, проходит граница применения компонентной методики, поскольку внеязыковым аналогом такого значения является не логический концепт, а концепт-схема, который находит свое применение в когнитивной семантике.

В зависимости от понимания компонентной структуры содержательной единицы, цели описания и характера лексического материала исследователь применяет разные способы выделения сем. Различные таксономии этих способов [18;20;51;98;162] строятся главным образом на принципе противопоставления логического и лингвистического.

Логический (ономасиологический) подход включает несколько способов выделения сем: 1) с помощью логического опосредованного рассуждения, основанного на формальном понятии в духе С.Д. Кацнельсона [27], с помощью метода семантического поля в понимании А. Лерер [118], 3) с помощью последовательного применения метода логического разбиения общего множества денотатов на подмножества в духе Т.П. Ломтева [39].

Лингвистический (семасиологический) подход включает также несколько способов выделения сем: 1) с помощью сравнения словарных дефиниций в духе А.Найды [45], 2) с помощью семантических множителей Ю.В. Караулова [24], 3) с помощью бинарного или оппозитивного противопоставления лексем в понимании классиков компонентного анализа, в частности А.Ж. Греймаса [98], 4) с помощью анализа контекста.

Основным способом следует считать “принцип попарного противопоставления лексем”, который, как пишет Ф. Лаунсбери, полностью определяется исходной предпосылкой о системной организации выбранного лексического материала. [121,158]. Вместе с тем, очевидно, что методика разложения значения слова на семы не может считаться до конца разработанной. Поэтому Ю. Д. Апресян отмечает, что на первом этапе работы дифференциальные признаки выделяются интуитивно [1,122].

§ 9. Типология сем

Вопрос об иерархической организации сем в семантической структуре значения слова впервые ставится в статье Дж. Каца [26], цель которой видится в упорядочении словарных статей в соответствии с той информацией, которая заключается в значениях слов. Структурированная часть этих значений - маркеры организует более чем одно значение в силу определенной универсальности содержания, например маркеры “существительное”, “животное”, “человек”, “мужской пол” в семантической структуре слова *bachelor*. Кроме маркеров значение анализируемого слова характеризуется различителями (дистинкторами), т.е. индивидуальными свойствами отдельных значений слова.

В других работах различие между этими двумя видами сем выражается в терминах общих и специфических признаков. Различие между общими и специфическими признаками обычно пересекается с различием по функции в структуре семемы и, соответственно, в структуре семантического поля, т.е. общие признаки могут подразделяться на интегральные и дифференциальные, однако это подразделение относительно, так как один и тот же признак в зависимости от границ семантического поля может быть и дифференциальным и интегральным, а иногда даже категориальным [30,31]. Например, В.Г. Гак различает “общие семы родового значения, архисемы и дифференциальные семы, которые делятся на собственные и относительные” [15,96], а Д.Н. Шмелев различает, с одной стороны, интегральные и дифференциальные семы, а с другой стороны, категориальные семы [70,20], при этом интегральные и дифференциальные семы имеют лексический характер, а категориальные - функционально-семантический (частеречный) характер. Такое разграничение представляется очевидным, поскольку лексическое значение слова не может проявляться как-то независимо от его грамматической характеристики.

А.А.Уфимцева различает семы трех степеней абстракции. Наиболее абстрактные семы объединяют слова в семантические (грамматические) классы (части речи), хотя выделение частей речи основано не только на семантическом, но и на функциональном критерии, т.е. на способности слов определенной части речи выступать в качестве определенного члена предложения. Наоборот, наименее абстрактные семы составляют индивидуальные лексические значения слов. Между этими двумя типами сем находится промежуточная (субкатегориальная) сема, которая конституирует лексико-грамматический разряд слов одной части речи [65].

Если семы второй и третьей степени абстракции имеют бесспорно лексический характер, то частеречной семе приписывается лексико-

грамматический статус, учитывая то, что часть речи как функционально-семантический класс имеет двойное членение: лексическое и грамматическое. Лексическое членение предполагает выделение лексико-грамматических разрядов по типу) одушевленных и неодушевленных существительных, переходных и непереходных глаголов действия и состояния и т.д.; грамматическое же членение основывается на существовании классов словоформ, специфичных для каждой части речи, объединенных инвариантными грамматическими категориями падежа, числа, лица, времени и т.д. В целом определение сем в составе лексического значения слова намного сложнее, чем в составе грамматического значения из-за меньшей четкости и отсутствия твердых границ у той информации, которая соответствует этому значению [59, 142].

Таким образом, типология сем должна учитывать как сущностный, так и функциональный аспекты значения. По сущностному аспекту выделяются категориальные и индивидуальные, а по функциональному аспекту - интегральные и дифференциальные семы [55, 18]. Разграничение сущностного и функционального параметров представляет собой стержень любой таксономии сем.

Важное типологическое значение имеет также разграничение сем по наличию-отсутствию изоморфизма между означающим и означаемым (эксплицитные семы, мотивированные структурой слова, имплицитные семы, не мотивированные его структурой). Например, в английском языке в значении слова *grandfather* "дедушка" сема "второе поколение родства" эксплицируется морфемой *grand-*, а семы "родитель", "мужской пол" и "прямое родство" - морфемой *-father*, соотносимой с соответствующим словом; в то же время в значении слова *father* все семы ("мужской пол", "прямое родство", "первое поколение родителей") имплицитны и обнаруживаются лишь в оппозициях.

Применение компонентного метода позволяет выявить семы скрытого типа и установить степень открытости отдельных полей и всего лексикона языка. Решение этой задачи тесно связано с проблемой лексикализации компонентных комплексов в естественных языках и имеет важное значение для типологии. Такая проблема ставится, например, в работе Л. Талми, посвященной сравнению лексикализованных компонентных комплексов в разных языках на материале глаголов движения и местоположения [143]. В разных языках реализуются разные, хотя и произвольные компонентные наборы, что позволяет типизировать языки по использованию той или иной модели. Л. Талми отмечает, что языковые семемы отличаются малокомпонентностью наборов, что составляет, очевидно, универсальную характеристику языков, так как "сложные наборы могут чрезмерно загромождать лексикон", который строится не столько на количестве дистриктивных элементов, сколько на комбинаторных моделях, использующих ограниченные наборы этих элементов [148, 76].

Типология сем наиболее глубоко разработана Л.М. Васильевым, исходя из 8 параметров их разграничения: 1) способ манифестации в плане выражения (эксплицитные и имплицитные), 2) тип отношений, в составе которых они находятся (парадигматические и синтагматические), 3) характер отношений внутри семемы (доминирующие и зависимые), 4) отношение к идентифицирующему значению того или иного семантического класса (ядерные и периферийные), 5) функция в составе лексической и грамматической парадигмы (идентифицирующие или интегральные, дифференцирующие или дифференциальные), 6) степень повторяемости, регулярности и, соответственно, абстрактности (категориальные и идиосинкретические или идиоэтнические), 7) степень фиксированности за определенными значениями (обязательные и факультативные), 8) соответствие структурным компонентам словоформы (лексические, т.е. соотносимые со словообразовательными и корневыми морфемами, и грамматические, т.е. соотносимые со словоизменительными морфемами) [10, 21].

Наиболее значимым для семемы является противопоставление лексических и грамматических значений, которые можно рассматривать как макрокомпоненты языкового значения, в отличие от остальных компонентов (микрокомпонентов), варьируемых в рамках лексического значения. Л.М.Васильев подчеркивает доминирующее положение в семеме именно лексического, а не грамматического значения, поскольку последнее не укладывается в сентенциальное толкование слова и с трудом поддается четкому логическому определению [11, 95].

Остается лишь добавить, что типология сем Л.М. Васильева относится к наиболее дискретной, референциально-логической части семемы, составляющей так называемое когнитивное значение (термин М.В.Никитина). Прагматическое значение, составляющее другую часть семемы и имеющее совершенно иную природу, должно быть объектом отдельного рассмотрения.

§ 10. Верификация результатов компонентного анализа

Иногда утверждается, что установление сем полностью произвольно. Как уже указывалось выше, это обвинение несправедливо, поскольку, как бы

сильно ни зависело выделение сем на первоначальном этапе от интуиции, предварительный интуитивный анализ проверяется и корректируется независимыми методами [53;153;156].

Проверка данных возникает всегда, когда возникает множественность описания одной и той же парадигмы, и эта множественность возникает, главным образом, из-за подмены объекта анализа, т.е. значений определенного семантического поля классом денотации. Например, исследуя группу глаголов-конверсивов в английском языке *get, keep, lose, find, take, give, lend, borrow, get rid of*, Э. Бендикс проверяет полученные результаты с помощью контекстуального анализа. Так, правильность выделения семы “случайность” в значении глагола *lose* “терять” определяется его сочетаемостью со словом *intentionally* “намеренно: *I lost it intentionally” [76].

Обычный метод проверки компонентного анализа заключается в установлении условий истинности. В любом утверждении постулируемое необходимое условие истинности не может отрицаться этим утверждением, т.е. условие истинности не может одновременно быть этим условием и противоречить ему. Например, компонентное описание значения глагола *убить*, имеющее вид выражения [“вызвать”] X ([“смерть”] Y), подтверждается как истинностное в предложениях, содержащих контрадикторные предикаты: 1) “А убил В, но В не умер”, 2) “А убил В, но А не был причиной смерти В”. Если “вызвать” образует часть значения слова *убить*, то ни одно из этих двух предложений не может одновременно утверждать истинность предиката, связанного со смыслом слова *убить*, и ложность предиката, связанного с семой “вызвать”. Таким образом, истинность компонентного комплекса доказывается совмещением в одном предложении данного условия и его отрицания. Если сема образует часть данной семемы, то такое предложение должно быть ложным, если же она не составляет части семантики семемы, то предложение непротиворечиво. Поскольку истинность или ложность утверждения есть свойство синтаксического, а не лексического значения, при проверке компонентного анализа приоритетное значение имеет смысл предложения, а не слова [117, 105].

Для проверки результатов компонентного анализа может использоваться также эксперимент, о значении которого для языкознания писал еще Л.В.Щерба [72,113]. Одним из таких экспериментов является тестирование информантов. Например, устанавливая общие семантические компоненты в значениях слов *brother* “брат” и *half-brother* “сводный брат”, Дж.Лич использует серию тестов, учитывающих многозначность, поскольку интуитивно чувствуется, что *brother* может пониматься как в узком, так и в широком смысле. Информантам предлагается оценить утверждение “*my brother is my half-brother*” с помощью одного из 4 вариантов ответа: 1) “да”, если это истинно в любой ситуации, 2) “нет”, если это ложно в любой ситуации, 3) и “да” и “нет”, если это может быть и истинным и ложным, 4) ?, если есть затруднение в оценке. Если *half-brother* содержит те же семы, что и *brother*, информант считает предложение тавтологией и отвечает “да”, если же семы не совмещаются, возникает контрадикция, и информант отвечает “нет”, третий вариант означает, что предложение неоднозначно [38,110].

Тестирование важно потому, что интроспекция, проводимая исследователем, обычно всегда подтверждает справедливость принятой модели в силу самой заинтересованности исследователя. Тестирование же более объективно, хотя здесь возникает проблема оценки оценок, поскольку привлечение большого числа информантов делает единодушные недостижимым идеалом.

В качестве одного из возможных способов верификации семантического представления лексики в терминах семантических компонентов А.М.Кузнецов предлагает компонентный синтез [31:, 84]. Первоначальным источником материала для такой процедуры может служить обычный толковый словарь, в котором определяемое слово рассматривается как величина искомая, а его дефиниция - как величина заданная. Учитывая, что в дефиниции отражаются семы значения искомого слова, компонентный синтез выглядит как эпистемологический поиск или семантическая загадка наподобие кроссворда. Сходство с загадкой основано на том, что в обоих случаях задача сводится к поиску некоторого объекта по его описанию.

Рассматривая вопрос о верификации результатов компонентного анализа, следует признать, что “компонентное портретирование” языковых значений, которое раньше рассматривалось как окончательный результат исследования, на современном этапе должно оцениваться лишь как промежуточный этап, как “предварительный эскизный набросок, как предварительная гипотеза, которой предстоит пройти испытание на психологическую реальность с точки зрения носителей языка” [31,66].

Резюмируя данный раздел, можно заключить следующее:

- комбинаторная семантика есть больше, чем метод системного описания лексики, поскольку она имеет двойную цель: распределение значений по семантическим полям и определение языковых значений, представленных этими полями;

- таким образом, полевой и компонентный подходы к изучению системной организации языкового лексикона образуют неразрывную связь в виде единой семантической теории;- компонентная теория исходит из

допущения, что значение лексемы может быть разложено на компоненты;

- существенным свойством компонентов является не атомарность, а аналитичность, хотя компоненты и могут совпадать с атомарными содержательными единицами;

- компоненты могут быть универсальными для всех языков, образуя поднабор универсальных компонентов (универсальных категорий);

- с помощью ограниченного набора компонентов можно описать семантическое поле, т.е. психолингвистическую парадигму, образующую структурную часть семантики языкового лексикона;

- семантический компонент функционирует как семантический код для внеязыковой информации, организуя каждое значение в языковой системе в соответствии с его значимостями;

- в метаязыковой функции сема представлена нозмой, т.е. лексикализованным выражением, служащим для экономного и строгого семантического описания;

- в плане внешнего содержания языка сема соответствует когнитивная категория, а в плане внутреннего содержания языка — семантическая категория (значение);

- значение лексемы, образующей единицу семантического поля, определяется как множественная функция его компонентов;

- основные способы выделения сем основываются на логическом (ономасиологическом) и лингвистическом (семасиологическом) подходах;

- существуют два критерия определения критериальной принадлежности объекта, т.е. два критерия определения значения слова - норма, т.е. наиболее типические условия существования денотата, и существенные (необходимые и достаточные) признаки, образующие его структуру;

- типология сем включает 8 параметров их разграничения по следующим типам: эксплицитные: имплицитные, парадигматические: синтагматические, доминирующие: зависимые, ядерные: периферийные, интегральные: дифференциальные, категориальные: идиосинкретические, обязательные: факультативные, лексические: грамматические;

- объективность проведенного компонентного анализа зависит, во-первых, от характера исследуемой лексической парадигмы, которая может быть ортогональной и неортогональной, во-вторых, от верификации результатов компонентного анализа независимыми методами.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Апресян Ю.Д.** Методы изучения значений и проблемы структурной лингвистики // Проблемы структурной лингвистики. М., 1963: 102-149.
2. **Балли П.** Общая лингвистика и вопросы французского языка. - М., 1955.
3. **Бендикс Э.** Эмпирическая база семантического списания /У Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983, 14: 75-107.
4. **Бирвиш М.** Семантика // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981, 10: 177-198.
5. **Болинджер Д.** Атомизация значения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981, 10 200-234
6. **Бондарко А.В.** Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. - Л., 1983.
7. **Бюлер К.** Теория языка. - М., 1993.
8. **Вайсгербер Л.** Родной язык и формирование духа. - М., 1993.
9. **Васильев Л.М.** Теория семантических полей // Вопросы языкознания, 1971, 5 : 105-113.
10. **Васильев Л.М.** Семантика русского глагола. - М., 1981.
11. **Васильев Л.М.** Современная лингвистическая семантика. - М., 1990.
12. **Васильев Л.М.** Теоретические проблемы лингвистики. - Уфа, 1994.
13. **Васильев Л.М.** Форма и содержание языка как знаковой системы // Вестник ВЭГУ : педагогика. Уфа, 1996, 3 : 39-42.
14. **Вилюман В.Г.** Английская синонимика: введение в теорию синонимии и методику изучения синонимов. — М., 1980.
15. **Гак В.Г.** К проблеме гносеологических аспектов семантики слова // Вопросы описания лексико-семантической структуры языка (тезисы докладов), 1. М., 1971.
16. **Гийом Г.** Принципы теоретической лингвистики. - М., 1992.
17. **Городецкий Б.Ю.** К проблеме семантической типологии. М., 1969. 18-

- Гулыга Е.В., Шендельс Е.И.** О компонентном анализе значимых единиц языка // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976:291-314.
- 19. Гухман М.М.** Лингвистическая теория Л. Вайсгербера // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961: 123-162.
- 20. Долгих Н.Г.** О трех направлениях в разработке метода компонентного анализа применительно к лексическому материалу // Научные доклады высшей школы: филологические науки, 1974, 4: 10-110.

21. **Залевская А. А.** Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. - Воронеж, 1990.
22. **Звегинцев В.А.** Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981, 10: 5-32.
23. **Зевахина Т.С.** Компонентный анализ как метод выявления семантической структуры слова. - Автореферат кандидатской диссертации. М., 1979.
24. **Караулов Ю.Н.** Общая и русская идеография. - М., 1976.
25. **Караулов Ю.Н.** Частотный словарь семантических множителей русского языка. - М., 1983.
26. **Кац Дж.** Семантическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981, 10: 33-49.
27. **Кацнельсон С.Д.** Общее и типологическое языкознание. - Л., 1986.
28. **Княк Т. Г.** О "внутренней форме" лексических единиц // Вопросы языкознания, 1987, 3 : 58-68.
29. **Кошечая И.Г.** Уровни языкового абстрагирования. - Киев, 1973.
30. **Кузнецов А. М.** Структурно-семантические параметры в лексике (на материале английского языка). М., 1980.
31. **Кузнецов А.М.** От компонентного анализа к компонентному синтезу. - М. 1986.
32. **Кузнецов А.М.** Варианты лексико-парадигматических структур // Языки мира: Проблемы языковой вариативности. М., 1990 :108-119.
33. **Кузнецова А.И.** Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. - М., 1963.
34. **Лабов У.** Структура денотативных значений // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983, 14: 133-176.
35. **Лайонз Дж.** Введение в теоретическую лингвистику. - М., 1978.
36. **Левницкий В.З.** Типы лексических микросистем и критерии их различения // Научные доклады высшей школы: филологические науки, 1988, 5 : 66-73.
37. **Лекомцев Ю.К.** К проблеме компонентного членения // Гипотеза в современной лингвистике, М., 1980: 142-216.
38. **Лич Дж.** К теории и практике семантического эксперимента // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983, 14: 108-132.
39. **Ломтев Т.П.** Общее и русское языкознание. - М., 1976.
40. **Лукин В. А.** Некоторые проблемы и перспективы компонентного анализа // Вопросы языкознания, 1985, 3: 56-66.
41. **Маковский М.М.** Лингвистическая комбинаторика. - М., 1988.
42. **Медникова Э.М.** Значение слова и методы его изучения. - М., 1974.
43. **Минский М.** Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988, 23: 281-309.
44. **Моисеев А.И.** Термины родства в русском языке // Научные доклады высшей школы: филологические науки, 1963, 3: 120-132.
45. **Найда Ю.** Анализ значения и составление словарей // Новое в лингвистике. М., 1962, 2: 45-71.
46. **Найда Ю.** Процедуры анализа компонентной структуры референциального значения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989, 25: 61-74.
47. **Никитин М.В.** Основы лингвистической теории значения. - М., 1988.
48. **Плотников Б.А.** О форме и содержании в языке. - Минск, 1989.
49. Полевые структуры в системе языка (коллективная монография под редакцией **З.Д.Поповой**). ~ Воронеж, 1989.
50. **Поляков И.В.** Лингвистика и структурная семантика. - Новосибирск, 1987.
51. **Посох А.В.** Компонентный анализ семантики // Методы изучения лексики. Минск, 1975 : 38-48.
52. **Селиверстова О.Н.** Компонентный анализ многозначных слов (на материале некоторых русских глаголов). - М., 1975.
53. **Селиверстова О.Н.** Некоторые типы семантических гипотез и их верификация // Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980 : 269-319.
54. Семантическая специфика национальных языковых систем (коллективная монография под редакцией **И.А. Стернина**). - Воронеж, 1985.
55. **Соколовская Ж.П.** Система в лексической семантике (анализ семантической структуры слова). - Киев, 1979.
56. **Солодуб Ю.П.** Структура лексического значения // Научные доклады высшей школы: филологические науки, 1997, 2: 54-66.
57. **Соссюр Ф.де.** Курс общей лингвистики // Фердинанд де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977: 31-285.
58. **Степанов Ю.С.** Основы общего языкознания. - М., 1975.
59. **Степанова М.Д.** Методы синхронного анализа лексики. - М., 1968.
60. **Стернин И.А.** Проблемы анализа структуры значения слова. - Воронеж, 1979.
61. **Стернин И.А.** Лексическое значение слова в речи. - Воронеж, 1985.
62. **Супрун А.Е.** Сопоставительно-типологический анализ лексики // Методы изучения лексики. Минск, 1975: 163-170.

63. **Уфимцева А.А.** Теории семантического поля и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961: 30-63.
64. **Уфимцева А.А.** Опыт изучения лексики как системы. - М., 1962.
65. **Уфимцева А.А.** Слово в лексико-семантической системе языка. -М, 1968.
66. **Филмор Ч.Дж.** Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988, 23 : 52-92.
67. **Харитончик З.А.** Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // Язык и структура представления знаний. М., 1992 : 98-123.
68. **Чейф Л.** Значение и структура языка. - М., 1975.
69. **Шафиков С.Г.** Некоторые аспекты изучения тематических групп лексики // Семантические и прагматические аспекты анализа основных языковых единиц. Барнаул, 1982: 90-101.
70. **Шмелев Д.Н.** Семантические признаки слов // Русский язык в национальной школе, 1968, 5: 15-21.
71. **Шмелев Д.Н.** Проблемы семантического анализа лексики. — М., 1973.
72. **Щерба Л.Б.** О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Известия АН СССР: общественные науки. М., 1931.
73. **Щур Г.С.** Теории поля в лингвистике. - М., 1974.
74. **Alan K.** Linguistic meaning, 1.-London. 1986.
75. **Baldiinger K.** Semantic theory: towards a modern semantics. - Oxford, 1980.
76. **Bendix E.** Componential analysis of general vocabulary: the semantic structure of a set of verbs in English, Hindi and Japanese // International Journal of American Linguistics, 1966, 32, 2:1-190.
77. **Bierwisch M.** Some semantic universals of German adjectives // Foundations of Language, 1967, 3, 1: 1-36.
78. **Bierwisch M.** On certain problems of semantic representations // Foundations of Language, 1969, 5,2: 153-184.
79. **Biggs C.** In a word, meaning // Linguistic Controversies: Essays in Linguistic Theory and Honour of F.R. Palmer. London, 1982: 108-121.
80. **Bolinger D., Sears D.** Aspects of language. -N.Y., 1981.
81. **Burling R.** Cognition and componential analysis: God's truth or hocus-pocus? // American Anthropologist, 1964, 66: 20-28.
82. **Carnap R.** Meaning and necessity. -Chicago, 1956.
83. **Casares J.** Diccionario ideologico de la lengua espanola. Barcelona, 1959.
84. **Coseriu E., Geckeler G.** Trends in structural semantics. - Tьbingen, 1981.
85. **Cruse D.** Lexical semantics. - Cambridge, 1986.
86. **Dixon R.** A method of semantic description // Semantics: an interdisciplinary reader in philosophy, linguistics and psychology. Cambridge, 1975:436-471.
87. **Ducháček O.** Le champ conceptuel de la beauté en français moderne. -Praha, 1960.
88. **Ducháček O.** Průcis de sьmantique française. - Brno, 1967.
89. **Ducháček O.** Quelques observations sur les structures sьmantiques // Folia Linguistica, 1975, 7, 3/4: 245-252.
90. **Ellis D.** From language to communication. - Hove-London, 1992.
91. **Fillmore Ch.** Types of lexical information // Semantics: an interdisciplinary reader in philosophy, linguistics and psychology. -Cambridge, 1975: 370-392.
92. **Fillmore Ch.** Towards a descriptive framework for spatial deixis // Speech, place and action: studies in deixis and related topics. London, 1982:31-59.
93. **Foss D., Hakes D.** Psycholinguistics An introduction to the psychology of language. - Englewood Cliffs. 1978.
94. **Gabka G.** Theorien zur Darstellung eines Wortschatzes. Mit einer Kritik der Wortfeldtheorie. - Halle, 1967.
95. **Geckeler G.** Strukturelle Semantik und Wortfeldtheorie. - Мьнchen, 1971.
96. **Gipper H.** Jost Trier und das Sprachliche Feld. Was bleibt? Zeitschrift für Germanische Linguistik, 1995, 23, 3: 326-341.
97. **Goodenough W.** Componential analysis and the study of meaning // Language, 1956, 32,1: 195-216.
98. **Greimas A.J.** Sьmantique structurale: Recherche de methode. - Paris, 1986.
99. **Guiraud P.** La sьmantique. - Paris, 1955,
100. **Hagege C.** La structure des langues. - Paris, 1982.
101. **Hallig R., Wartburg W. von.** Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie. Versuch eines Ordnungsschemas - Berlin, 1952.
102. **Hampton J.** Testing the prototype, theory of concepts //Journal of memory and language, 1995, 34, 5: 686-708.
103. **Harris Z.** Componential analysis or a Hebrew paradigm // Language, 1948,24, 1: 87-91. 104.
104. **Helbig G.** Kleines Wörterbuch: Linguistische Termini // Deutsch als

- Fremdsprache, 1969, 6, 2: 3-22.
105. **Heyse K.W.** System der Sprachwissenschaft. Nach dessen Tode; hrsg von Dr Steinthal. - Berlin, 1856.
 106. **Humboldt W. von.** Ober die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistiger Entwicklung des Menschengeschichts // Gesarn. Werke, 7. Berlin, 1848.
 107. **Ipsen G.** Der alte Orient und die Indogermanen // Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft // Festschrift für W. Streiberg. Heidelberg, 1924:200-237.
 108. **Ipsen G.** Der neue Sprachbegriff // Zeitschrift für Deutschkunde, 1932,46: 1-18.
 109. **Jackendoff T.F.L** Semantics and cognition. - London, 1986.
 110. **Jahr S.** Semantische Felder versus Wissenstrukturen // Folia linguistica, 1994,28,3/4:399-412.
 111. **Jakobson R.** Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre // Travaux du Cercle linguistique de Prague, 1936, 6: 240-2 88.
 112. **Jolles A.** Antike Bedeutungsfelder // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, Halle, 1934, 58, 1/2: 97-109.
 113. **Katz J.** The philosophy of language. - N.Y., 1972.
 114. **Kempson R.** Semantic theory. -- Cambridge, 1977.
 115. **Kroeber A.L.** Classificatory systems of relationships // Journal of the Royal Anthropological Institute, 1909, 39: 74-84.
 116. **Kronasser H.** Handbuch der Semasiologie. - Heidelberg, 1952.
 117. **Leech G.** Semantics. - London, 1974.
 118. **Lehrer A.** Semantic fields and lexical structure. - Amsterdam, 1974.
 119. **Lyons J.** Language, meaning and context. - Bungay, 1981.
 120. **Lyons J.** Linguistic semantics. An introduction. - Cambridge, 1995.
 121. **Lounsbury F.** A semantic analysis of the Pawnee kinship usage // Language, 1956., 32, 1: 158-194.
 122. **Martinet A.** Substance phonetique et traits distinctifs // Bulletin de la societ   de linguistique de Paris, 1958, 53, 1: 72-85.
 123. **Matore G.** Le vocabulaire et la societ   sous Louis-Philippe. - Geneve-Lille, 1953.
 124. **Matore G.** La methode en lexicologie. - Paris, 1953.
 125. **McCarthy M.** Vocabulary. - Oxford, 1990.
 126. **Meyer R.M.** Bedeutungssysteme // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprache. Güttingen, 1910, 434.
 127. **Miodunka W.** Teoria p  l j  zykowych. Spo  lne i indywidualne ich uwarunkowania - Warszawa-Krak  w, 1986.
 128. **Newman P.** Common lexicons for machine translation systems // Proceedings of the ELC Conference on Computational Linguistics. Oslo, 1988.
 129. **Nida E.** A system for the description of semantic elements // Word, 1951,1:1-14.
 130. **Nog   L.** Method and theory in the semantics and cognition of kinship terminology. - The Hague, 1974.
 131. **Norrick N.** Semantic principles in semantic theory // Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science. Amsterdam, 4, 20.
 132. **Ilhman S.** Theories of the linguistic field // Word, 1953, 9, 2:123-134.
 133. **Palmer F.** Semantics. A New Outline. - M., 1982
 134. **Porzig W.** Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, 1934, 58 : 70-97.
 135. **Porzig W.** Das Wunder der Sprache. Probleme, Methoden und Ergebnisse der modernen Sprachwissenschaft - Bern-M  nchen, 1967.
 136. **Pottier B.** Recherches sur l'analyse semantique et traduction m  canique. - Nancy, 1963.
 137. **Putnam H.** Mind, language and reality // Philosophical Papers, 2. Cambridge, 1975.
 138. **Raskin V.** Script-based semantic theory // Contemporary Issues in Language and Processes. Hillsdale, 1986: 23-61.
 139. **Rastier F.** Semantique interpretative. - Paris, 1987.
 140. **Reuning K. Joy and Freude.** A comparative study of the linguistic field of pleasurable emotions in English and German. - Swarthmore, 1941.
 141. **Robins R.** General linguistics. An introductory survey. - London, 1985.
 142. **Rosch E.** Cognitive representations of semantic categories // Journal of Experimental Psychology: Generals, 1975,104:192-233.
 143. **Rudskoger A.** Fair, foul, nice, proper. A contribution to the study of polysemy. - Stockholm, 1952.
 144. **Scheidweiler F.** Die Wortfeldtheorie // Zeitschrift f  r deutsches Albertum und deutsche Literatur, 194:2, 79, 3/4.
 145. **Schneider E.** Semantic features and feature dimensions // Proceedings of the 14th International Congress of Linguists. Berlin. 1990, 2: 1250-1253.
 146. **Smith E., Medin D., Ripples L.** A psychological approach to concepts: comment on Key's concepts and stereotypes // Cognition, 1984, 17: 265-274.

147. **Sowa J.** Lexical structures and conceptual structures // Semantics and the Lexicon: studies in linguistics and philosophy. Boston, 1993, 49: 223-262.
148. **Talmy L.** Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // Language typology and syntactic description, 3: Grammatical Categories and the Lexicon. London, 1985: 57-149.
149. **Trier J.** Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Feldes. - Heidelberg, 1931.
150. **Trier J.** Sprachliche Felder // Zeitschrift für deutsche Bildung, 1932, 8/9.
151. **Trubezkoy N.** Principles of phonology. - Berkeley, 1969.
152. **Ullmann S.** The principles of semantics. - Glasgow, 1959.
153. **Wallace A.** The problem of the psychological validity of componential analysis // American anthropologist, 1965, 67,5:229-236.
154. **Wallace A., Atkins J.** The meaning of kinship terms // American Anthropologist, 1960,62,1:58-80.
155. **Weigand E.** What sort of semantics is lexical semantics? // Proceedings of the 14th International Congress of Linguists, 2, Berlin, 1990: 1285-1288.
156. **Weinreich U.** Lexicographic definition in descriptive semantics // International Journal of American Linguistics, 1962, 28,2:25-43.
157. **Weinreich U.** On the semantic structure of language // Universals of Language. Cambridge, 1963: 114-171.
158. **Weisgerber L.** Die Bedeutungslehre - ein Irrweg der Sprachwissenschaft? // Germanisch-Romanische Monatsschrift, 1927, 15, 5/6: 161-183.
159. **Weisgerber L.** Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik. - Düsseldorf, 1962.
160. **Wierzbicka A.** Lexicography and conceptual analysis. - Ann Arbor, 1985.
161. **Witkowski S/ Brown C.** Climate, clothing and body-part nomenclature // Ethnology, 1985,24,3: 197-214.
162. **Wotjak G.** Untersuchungen zur Struktur der Bedeutung. Ein Beitrag zu Gegenstand und Methode der modernen Bedeutungsforschung unter besonderer Berücksichtigung der semantischen Konstituentenanalyse. - Berlin, 1971.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ И МЕТОД СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ.....	4
§ 1. Языковое значение и его виды.....	4
§ 2. Семантические отношения в лексике	9
§ 3. Семантические структуры в лексике.....	12
§ 4. Типология исследований семантического поля.....	16
§ 5. Зарождение полевого метода в семасиологии.....	18
§ 6. Общая оценка метода семантического поля.....	24
§ 7. Развитие теории семантического поля в трудах продолжателей.....	26
§ 8. Идеографический источник теории семантического поля	34
§ 9. Реальность семантического поля и языковая модель мира.....	36
§ 10. Типология языковых полей и семантическое поле	41
РАЗДЕЛ II. КОМБИНАТОРНАЯ СЕМАНТИКА.....	48
§ 1. Трудные вопросы комбинаторной семантики.....	48
§ 2. Источники и предпосылки компонентного метода.....	50
§ 3. Что представляет собой основная единица комбинаторной семантики	53
§ 4. Сема и семантическое поле	60
§ 5. Примитивность или аналитичность?.....	63
§ 6. Универсальность или языковая специфичность?	65
§ 7. Компонентная теория в свете двух подходов к определению значения слова.....	67
§ 8. Характер лексического материала и методика выделения сем.....	71
§ 9. Типология сем.....	74
§ 10. Верификация результатов компонентного анализа	76
ЛИТЕРАТУРА.....	80